

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

30 января 2013 г.

№ 13

2 ЛЕЗВИЕ БРИТВЫ - 2

5 БОЛЬШАЯ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ
ВОЙНА. ЧАСТЬ XII.
РАЗМЫШЛЕНИЯ О
ДАЛЬНЕМ БУДУЩЕМ

6 МАШИНА ЗЛА — 3

7 ДОКТРИНА
ТОТАЛЬНЫХ ВОЙН
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

8 В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
ВСЁ НЕ ТАК,
КАК НА САМОМ ДЕЛЕ

10 КТО УБИЛ?

11 ОТ КАКОГО
«СЕМЕЙНОГО
НАСЛЕДИЯ»
МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ?

12 БЛУД
НАД МОГИЛАМИ

13 ПИОНЕРЫ
«НОВОГО БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА»?

14 КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ
НЕ-БЫТИЯ. КОНЦЕПТЫ
ПОСТМОДЕРНИЗМА.
ЧАСТЬ IV. СИМУЛЯКР
И СИМУЛЯЦИЯ — 2

15 ОБ ОДНОМ ЮБИЛЕЕ...
УРАЛЬСКАЯ
РЕСПУБЛИКА И
ЕЕ НАСЛЕДНИКИ

16 СОПРОТИВЛЕНИЕ

Для всех — и для друзей, и для врагов наших —
мы родились как политическое движение именно 4 февраля 2012 года

С днем рождения!

Политический кризис набирает обороты. Когда о пагубной роли Д. Медведева в судьбе ливийского народа говорит генерал Ивашов — это одно. Но когда об этой роли говорят и крупные дипломаты, и сам Евгений Максимович Примаков, то это, согласитесь, совсем другое.

А «акт Магнитского»? А новый виток истории с рукописями Шнейерсона? А предельная нестабильность в Сирии и наша явная готовность к игре на сирийском поле? А впервые заявленные китайцами претензии на хорошую, в отличие от американской, «глобализацию по-китайски»?

Набирает кризис обороты, причем стремительно. А в таких условиях дни рождения всегда отмечают, так сказать, «на ходу». Коллективу, к примеру, надо срочно сдавать работу... Полный аврал! А у одного из членов коллектива как на грех, того... день рождения! Ну и что? Быстро-быстро поздравили, съели праздничный пирог и... вернулись к компьютерам.

Но ведь поздравили! И пирог не без удовольствия съели! Потому что при любом аврале человек должен оставаться человеком! И даже лихорадочно вкалывая, справлять праздники вообще и дни рождения в частности.

Для нас сейчас авралом является Съезд родителей в Колонном зале Дома союзов. Это — наша новая Поклонная гора, наш ответ на новые радения белоленточников и подлый «акт Магнитского», принятый американцами.

Но как бы нас ни лихорадил этот аврал, мы и публицистический каравай испечем на первой полосе, и день рождения отметим, как подобает. Ведь это и впрямь наш день рождения, товарищи! Для всех — и для друзей, и для врагов наших — мы родились как политическое движение именно 4 февраля 2012 года.

Это не значит, что нас до этого не было. Более того, если бы мы не начали собираться в марте 2011, если бы мы не бросили вызов белоленточникам 24 декабря 2011 года, проведя митинг на Воробьевых горах, то и митинга на Поклонной не было бы. А было бы... Впрочем, о том, что было бы, я скажу не-

сколько позже. А сейчас — о нашем дне рождения и всё том, что этому предшествовало. Когда человек справляет день рождения, то всё понятно. То есть понятно, что там, где рождение, там и зачатие, беременность... И так далее. А когда говорится о дне рождения организации, то адресация к различным этапам ее жизни, предшествующим этому Дню Рождения, не может носить столь буквального характера.

И все же рискну утверждать, что не в буквальном, а в стратегическом смысле мы начали оформляться вовсе не в момент, когда впервые увидели друг друга в Хвалынске.

И не в момент, когда было объявлено о создании виртуального клуба (ВКСВ).

И не в момент, когда началась передача «Суть времени».

И не в момент, когда началась передача «Суд времени». То, что стало потом «Сутью Времени», начало стратегически оформляться тогда, когда наши противники страшно запаниковали по поводу результатов общенародных голосований на передаче «Суд времени». Запаниковали и ввели в оборот тему «разумного, правильного достойного просвещенного меньшинства» и «неразумного, уродливого, непристойного и дикого большинства».

Эту тему ввели в оборот Сванидзе и Млечин вместе с Петровской и Лариной, паркетными социологами и другими представителями этого самого меньшинства. Все, наверное, помнят, что тогда впервые в истории телевидения была сделана специальная передача, в которой обсуждались результаты голосования на «Суде времени». Там наши противники предложили три оценки происходящего. Две несерьезные и одну серьезную. Две несерьезные оценки (первая — Кургинян всех загнипнотизировал, вторая — безумные старухи жмут на телефоны) вскоре были отброшены.

Что касается третьей — серьезной оценки — то она была такова: «Да, — сказали продвинутые сторонники Сванидзе и Млечина, — результаты голосования на «Суде времени» отражают реальность. Да, за Кургиняна большинство. Да, на стороне Сванидзе и Млечина меньшинство! Но это наше, просвещенное меньшинство. Оно же — «малый

народ». И нам наплевать на мнение «непросвещенного большинства» (оно же «большой народ»). Мы этим «большим народом» управляли и будем управлять. Потому что «непросвещенное большинство» пребывает в социальной и политической коме. Потому что его представители могут в лучшем случае нажать на телефонную кнопку. А больше они ничего не могут. Мы превратили «большой народ» в социальную слизь. Мы отняли у него современность (автомшины, гаджеты и так далее).

«Большой народ» труслив и неорганизован. А если найдется желающий разыгрывать спектакль на тему «Я организатор большого народа», то это будет именно спектакль. И мы с исполняющим эту роль актером (ну, например, Зюгановым Геннадием Андреевичем) прекрасно договоримся.

И, в конце концов, разве мы посчитались с мнением «большого народа» в августе 1991 года? Ну, проголосовал этот «большой народ» на референдуме за СССР! А мы, выйдя в Москве на улицы, СССР развалили! И ничего с этим «большим народом» тогда поделать не смог. И теперь мы сделаем то же самое, и все опять будет по-нашему».

Обращаю внимание читателей на то, что «малый народ» тогда сам себя назвал именно «малым народом». И что в дальнейшем он САМ так часто называл себя ИМЕННО ТАК («мы — дельфины, они — анчоусы», «мы — пчелы, а они — мухи» и так далее), что это стало важнейшим социально-политическим фактом нашего времени. «Малый народ» — это воночье имя — обрело свою воющую плоть на Болотной и Сахарова. Не зря ведь говорилось и говорится и о норковой оппозиции, и о норковой революции, и о революции креативного класса, и о революции ужасно просвещенных рассерженных горожан. Все эти зачатия творили новую реальность. Подчеркиваю — не мы ее сотворяли. Это делали они. Но не было бы нас, они бы не стали ее сотворять.

Что же это за реальность? Это реальность расколотого общества. Причем, общества, в котором отколовшиеся части обладают достаточной самоорганизованностью, идеологической заряженностью и боевитостью. «Малый народ» не ждал этого от «большого народа». Но он неожиданно для себя обнаружил такие его потенциалы на Поклонной горе. И стал еще больше визжать о себе как о «малом народе», со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этом — историческое значение Поклонной горы. И каждому, кто ахает «Какой же ужас — раскол!», мы отвечаем: «А вы хотели бы, чтобы «малый народ» бесконечно управлял «большим», гнобил его, именовал его быдлом, а чуть что — верещал об ужасе раскола?»

После Поклонной горы ТАК уже никогда не будет. И в этом — единственная надежда на спасение России.

С Днем Рождения, товарищи!
До встречи в СССР!

Сергей Кургинян

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Н азываешь точную цифру узников советского ГУЛАГа. Или погибших в ГУЛАГе. Тебе говорят: «Вы восхваляете Сталина. Вы оправдываете его». Точные цифры никого не оправдывают и никого не обвиняют. Они одинаково нужны людям с разным мировоззрением. Боятся точных цифр только лжецы, знающие, что их ложь основана на отсутствии объективной количественной информации.

Спросите любого профессионала — и он вам подтвердит, что в США заключенных больше, чем в любой другой стране мира. Что их намного больше двух миллионов человек. То есть самый большой по численности «архипелаг ГУЛАГ» — не наш, а американский. Это остервенелая антиамериканская пропаганда? Полно! Это объективные данные, предоставляемые крупнейшими американскими и международными организациями.

Согласно этим же неоспоримым данным, следующий по численности «архипелаг ГУЛАГ» — опять-таки не наш, а китайский. В Китае, с населением почти в 5 раз больше, чем в США, — полтора миллиона заключенных. Российский «архипелаг ГУЛАГ» — лишь на третьем месте. Количество заключенных в России — существенно менее одного миллиона человек.

Но, может быть, в России — самые ужасные условия содержания заключенных? Полно! Рейтинги «ужасности» тюрем публикуются регулярно всё теми же авторитетными международными организациями. Американскими, в том числе. Согласно этим данным, американские тюрьмы ADX Флоенсе, «Рикерс-Айленд» и «Сан-Квентин» занимают «почетные» второе, шестое и десятое места в мировом рейтинге тюрем с самыми ужасными условиями содержания заключенных. Это — если оценивать по сумме показателей. Если же взять один показатель — «криминальный разгул» — то все рекорды побьет нью-йоркская тюрьма «Рикерс-Айленд».

Еще один важнейший показатель — смертность. По данным министерства юстиции США, в американских тюрьмах в 2001 году умерли 3841 человек. А в 2006-м — 4233 человека.

По данным Генпрокуратуры и Федеральной службы исполнения наказаний, в 2010 г. в российских тюрьмах умерли 4423 чел. То есть примерно столько же, сколько и в США. Да, в США население почти втрое больше, чем в России. Но в Китае оно гораздо больше, чем в США.

Как мы видим, объективные данные опровергают белоленточный миф о том, что американский «архипелаг ГУЛАГ» — это средоточие блага, а наш «архипелаг ГУЛАГ» — это средоточие зла. Вот почему белоленточники так ненавидят объективность как таковую. И именуют ее «кремлевским проектом». Между тем, отличие любого проекта состоит в том, что он игнорирует объективность. Почему белоленточники являются американским проектом — понятно. Они игнорируют объективность. Но как можно обвинять в причастности к чьему-то проекту людей, которые постоянно приводят объективные данные?

Между прочим, эти данные никоим образом не свидетельствуют о том, что наши заключенные содержатся хорошо: процент смертности в американских тюрьмах и впрямь почти втрое меньше, чем в российских.

Но мы здесь занимаемся вовсе не аполотетикой российской реальности. Мы просто обращаем внимание читателей на то, что и в американских, и в российских (да и в любых других) тюрьмах умирают ежегодно тысячи и тысячи «Магнитских». Разумеется, считающих себя невиновными. И постоянно кому-то что-то сообщают по этому поводу.

Обратив внимание на это, мы спрашиваем читателя: «А почему из всех этих умерших, считающих себя невиновными и сообщающих об этом миру, оказался в фокусе внимания именно господин Магнитский, который явным образом не является невиновным?»

Может быть, дело не в исключительном благородстве Магнитского, а в беспрецедентности тех злодеяний, которые совершила по отношению к нему невероятно криминальная российская правоохранительная система? Но разве американская криминаль-

Главное для белоленточников — защита американских оккупантов от российской власти, проявляющей всего лишь непоследовательность в отстаивании американских интересов

Лезвие бритвы - 2

ная правоохранительная система не совершала массу злодеяний? Все эти злодеяния, причем не отдельных полицейских, а именно американской Системы, подробно описаны вовсе не врагами США, а американским ФБР.

В 30-е годы XX века в Чикаго творил неслыханный злодеяния властно-полицейско-криминальный альянс (сокращенно, ВПКА, просим не путать с ВПК). Этот чикагский ВПКА усмиряли долго и до конца так и не усмирили.

Американские ВПКА постоянно разоблачаются. После каждого очередного разоблачения обнаруживается, что ВПКА сдают своих «шестерок». А боссы — выходят сухими из воды. Обнаруживается также, что современные американские ВПКА — монстры, по сравнению с которыми чикагский ВПКА — «дитя малое, неразумное».

То же самое происходит во всем остальном мире. И тут — что демократические и, так сказать, «цивилизированные» страны, что страны авторитарные и, так сказать, «нецивилизированные». Есть специалисты, считающие, что рано или поздно именно монстры транснациональных ВПКА превратятся в чудовищное мировое правительство. Но мы здесь не будем обсуждать этот вопрос.

Мы всего лишь обратим внимание читателя на то, что даже если российский ВПКА и впрямь расправился с Магнитским (а это еще надо по-настоящему доказать), то в такой расправе нет ничего экстраординарного. Она не может свидетельствовать ни об особой криминальности России, ни об особой монструозности российских ВПКА. Мы не утверждаем, что у нынешней России нет особой криминальной специфики. Мы только обращаем внимание на то, что в САМОЙ ИСТОРИИ с Магнитским нет ничего исключительного. А вот РЕАКЦИЯ на эту историю — не просто из ряда вон выходящая, она — беспрецедентна! Она, фактически, не имеет аналогов в мировой истории!

Мы понимаем, что гражданин России, не занимающийся профессионально ни политикой, ни тем более, политическим анализом, не обязан выявлять подобного рода аномалии и задаваться вопросом: «С чего бы это?» Но если такой гражданин, например, вдруг обнаружит, что в отдельной точке России толщина снегового покрова — не метр, а десять километров, то он спросит себя: «С чего бы это?» Задаввшись этим вопросом, он, например, отметит, что такая толщина покрова — не на Эльбурсе и не в Арктике, а в средней полосе, где-нибудь под Москвой. После этого он тоже не будет думать: «Что за дела?» Он не сообразит, что для того, чтобы в отдельной точке Подмосковья был такой снеговой покров, надо туда свозить снег со всей остальной России? И что снег надо свозить с помощью грузовиков?.. И что этих грузовиков должно быть огромное количество?.. И что кто-то должен заплатить за наем грузовиков, за погрузку и разгрузку снега?.. А ведь эта фантастическая история со снегом меркнет перед тем, что соорудил вокруг Магнитского. И кто же это соорудил?

Ведь никто ничего подобного не делал после того, как американцы сотворили и впрямь беспрецедентный беспредел по отношению к заключенным в своих тюрьмах, находившихся в Ираке, Афганистане и на Гуантанамо («Абу-Грейб»).

Но реакция на ту же «Абу-Грейб» — это, если использовать приведенную нами выше метафору, два метра снега вместо одного метра. А реакция на Магнитского — это несколько километров снега вместо одного метра.

Мы уже познакомили читателя с одной фигурой, заказавшей «перевозку снега с помощью множества грузовиков». Это господин Браудер. Через его «Эрмитаж» (иначе говоря, через фиктивные фирмочки Браудера-Магнитского) иностранными инвесторами были скуплены российские активы на миллиарды долларов. Этим инвесторов,

знающих о сомнительности своих приобретений, конечно же, очень беспокоит судьба их денег, вложенных через «Эрмитаж» в разного рода сверхприбыльные проекты, — как сырьевые, так и финансовые.

Этим инвесторам плевать на то, что именно случилось с каким-то там Магнитским. Если их интересы потребуют уничтожения сотен тысяч Магнитских, они их уничтожат безжалостно. И, кстати, не факт, что они же, отстаивая свои интересы, не уничтожили Магнитского. Но на настоящий момент им для защиты своих интересов нужно доказать, что Магнитский был невинным агнем, а российские правоохранители — такими чудовищами, которых не знала мировая история. Они обязаны доказать эту чушь! Ведь в противном случае — о ужас! — их приобретения могут быть признаны незаконными.

И они будут с неистовым упорством доказывать эту чушь вопреки всему! Вопреки очевидности! Вопреки всем правовым нормам! А уж о совести тут и вовсе говорить не приходится. Они мобилизуют для этого прессу, Конгресс, высших американских политиков, международные круги и так далее.

Но кто же эти инвесторы, способные так раздуть слишком сомнительную историю, правда о которой рано или поздно выйдет наружу? И почему так легко клюют на эту наживку весьма разнообразные влиятельные международные фигуры? Вряд ли они все являются поделчиками Браудера? Или в каком-то смысле все же являются?

Первое, что бросается в глаза — это наличие единой заинтересованности в том, чтобы предельно раздуть сомнительное дело Магнитского, у очень разных кругов.

Интерес поделчиков Браудера очевиден. Им нужно криминализовать российскую власть — для того чтобы обелить себя и защитить свои миллиардные вложения в Россию.

Интерес наших белоленточников совпадает с интересом поделчиков Браудера. Им тоже надо криминализовать российскую власть. Но не только ради защиты чьих-то миллиардов... Хотя, если речь идет о миллиардах коллективного Чубайса, то почему бы и нет? И все же, главное для белоленточников — защита американских оккупантов от российской власти, проявляющей всего лишь (внимание!) НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ в отстаивании американских интересов. Уже одна такая непоследовательность приводит белоленточников в политическое неистовство.

Что касается стратегического интереса американской высшей элиты, то он опять же состоит в том, чтобы криминализовать российскую власть в силу ее вышеуказанной непоследовательности и свергнуть ее так же, как была свергнута власть в Ливии, Тунисе, Египте и так далее.

На место свергнутой власти, проявляющей НЕДОСТАТОЧНУЮ послушность по отношению к американцам, должна быть поставлена власть, проявляющая по отношению к американцам АБСОЛЮТНУЮ послушность. И готовая ограбить Россию на триллионы долларов, передав львиную часть американцам и удовлетворившись... чем там удовлетворялся Касьянов? Двумя процентами? — ну что ж, и это отнюдь немало!

Осуществив такой стремительный грабеж и обеспечив этим отсрочку краха американской экономики, белоленточная власть должна быть далее беспощадно низвергнута. На территории России должен водвориться хаос. Конечно же, управляемый. То есть введенный в русло американских интересов. И обрушиваемый на главных конкурентов США.

Итак, много разных интересантов одинаково стремится к тому, чтобы, раскрутив дело Магнитского, предельно криминализовать нынешнюю далеко не безупречную власть. Этим интересантам наплевать на то, каков реальный Магнитский. Если бы Маг-

нитский был хуже, чем Чикатило, его все равно бы назвали благородной невинной жертвой.

В каком-то смысле на этом можно было бы поставить точку в том, что касается героизации Магнитского и демонизации его гонителей. Но читатель, наверное, уже почувствовал, что история с Браудером, заказавшим Магнитскому определенную «криминальную музыку», — невероятно масштабна. Что крах ГКО в России в 1998 году затронул слишком многих. В том числе, богатых граждан, проживающих на Западе. Что эти граждане просто должны были предъявить иск и Сафре, и Браудеру. Но ведь не предъявили! Никто не пикнул! И, конечно, интересно, кто может так сказать «цыц», чтобы в ситуации, когда задеты кошельки, то есть самое святое, и налицо очевидное преступление, НИКТО не пикнул.

А ну, как нам удастся хоть что-то узнать по поводу сказавшего «цыц»? Ведь тогда мы гораздо больше поймем о войне, ведущейся против России. А ведь наша конечная цель именно в этом.

Отвечая на вопрос «Кто сказал цыц?», мы, прежде всего, должны признать очевидное. Мы должны признать: сказать подобное «цыц» не мог какой-то Браудер. Или даже тандем Браудера и Сафры. Что кишка тонка у такого тандемчика, как бы влиятелен он ни был! Прежде всего, проинформируем читателя, что сам Браудер уже не раз признавал, что субъектом его злоключений (а значит, и злоключений Магнитского) является не российская власть, а мощный транснациональный конкурент. Причем, конкурент, обладающий, как и Браудер, связями и механизмами влияния на всех этажах нашей власти.

Браудер признал это еще в июле 2009 года, когда Магнитский был жив. Именно тогда он подал иск в суд Южного округа Нью-Йорка с требованием раскрытия информации об операциях своего коллеги-конкурента по инвестированию в Россию — фонда «Ренессанс-капитал» Стивена Дженингса. Причем поддерживают его иск двое — американский и российский — бывших генпрокуроров.

Как сообщили «Ведомости» от 31.07.2009, «Компания Hermitage Билла Браудера через американский суд добивается от «Ренессанс капитала» документов, связанных с хищением компаний у Hermitage и средств — у российского бюджета. Браудеру помогают бывшие генпрокуроры: в США — Джон Эшкрофт, а в России — Юрий Скуратов. В иске Браудер пишет, что следы его украденных фирмочек нужно искать именно в «Ренессансе», который является «ключевым хранилищем доказательств».

За что борются «Эрмитаж» и «Ренессанс» — понятно любому профессионалу. Если «Эрмитаж» будет дискредитирован, то через него инвесторы работать не будут. Но тогда они будут инвестировать через «Ренессанс». А если «Эрмитаж» признают чистым и непорочным, и если он сумеет эту свою непорочность отстоять аж в войне такого масштаба — против российской власти, — значит он «самый-самый!» И надежнее всего инвестировать именно через него.

Но ведь и «Эрмитаж», и «Ренессанс» — это лишь средства в руках каких-то крайне влиятельных и непрозрачных элитных групп. Нас интересует прежде всего элитная группа, стоящая за «Эрмитажем». Обнаруживает ли она себя хотя бы косвенно?

16 января 2013 года. Наши информационные агентства сообщают, что генеральный прокурор РФ Юрий Чайка делает сенсационное заявление в связи с особыми обстоятельствами дела Браудера-Магнитского.

Что Генеральная прокуратура РФ четырежды обращалась в британское министерство внутренних дел с просьбами о помощи в разбирательстве резонансного дела, но получила отказ. Как уточнил Чайка, «в обосновании приводилось мнение госсекретаря Англии о том, что «исполнение этих запросов может нанести ущерб суверенитету, безопасности, публичному порядку и другим существенным интересам Великобритании».

Читатель, ты понимаешь, что тут сказано? Что Россия права в своих претензиях к преступнику Магнитскому и его криминальному шефу Браудеру. Но что официально Лондону (и, как мы понимаем, отнюдь не только ему) на эту правоту глубочайшим образом наплевать.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Уильям Хейг

Потому что признание этой правоты наносит ущерб (читатель, вдумайся!) аж суверенитету Великобритании, ее безопасности и так далее. А также британскому публичному порядку. И мало ли еще чему. И потому справедливое разбирательство дела Магнитского не нужно.

Но что же так пугает элиту туманного Альбиона?

Юрий Чайка дает понять журналистам, что туманный Альбион не хочет ущерба для репутации двух выдающихся британских консервативных политиков: министра внутренних дел Великобритании Терезы Мэй и министра иностранных дел Великобритании Уильяма Хейга. Но разбирательство дела Браудера—Магнитского может задеть репутацию этих политиков, только если они вместе с Браудером и его сворой грабили Россию.

Так грабили или нет? Перед тем, как ответить на этот вопрос, сообщим читателю необходимые биографические сведения по поводу столбов британской консервативной политики, чья репутация может повредить разбирательство дела Браудера—Магнитского.

Уильяму Джефферсону Хейгу 51 год. Он четвертый ребенок в семье мелкого йоркширского бизнесмена. Хейг заканчивал обычную общеобразовательную школу. В 15 лет он вступил в консервативную партию. В 16 лет — сенсационно выступил на конференции консервативной партии и был замечен Маргарет Тэтчер.

В 1979 году Хейг поступил в колледж Магдалины Оксфордского университета. Этот колледж всегда был кузницей кадров для правого — и именно правого — крыла консервативной партии Великобритании. Хейг учился блестяще. И одновременно занимался политикой. Пытаясь попасть в консервативную элиту, что очень непросто для мальчика из простой британской семьи.

Но Хейг оказался очень и очень пробиным мальчиком. Он сумел стать президентом студенческого оксфордского союза. В 1981 году — возглавил университетскую ассоциацию консерваторов. В 1982 году — окончил с отличием университет.

С 1982 по 1983 год Хейг работал менеджером в знаменитой британской компании «Шелл». Это — деловой оплот радикального британского консерватизма. Как мы помним, компания «Шелл» пыталась развернуться в России. Но, в отличие от своего непримиримого конкурента, компании «Бритиш Петролеум» (которую иногда называют «Блэр Петролеум»), развернуться не сумела. Впрочем, все те скромные должности, на которых Хейг находился в начале своей карьеры, не являются шифрами, позволяющими открыть интересующие нас секреты. Мало ли менеджеров в «Шелл!» Мало ли политических консультантов в компании «МакКинси и Ко» (там Хейг работал обычным политическим консультантом и познакомился со своим наставником — Арчи Норманном, еще одной будущей звездой консервативной партии).

Ну, провалился Хейг на выборах в парламент в 1987 году... Ну, победил он в 1989 на дополнительных выборах, сумев стать членом Палаты общин британского парламента от Ричмонда, графство Северный Йоркшир... Ну, переизбирался он от этой территории вплоть до 2010 года... Нам-то что?

Стоп! В 1990 году Хейг становится личным секретарем могущественного министра финансов Великобритании Нормана Ламонта. Личный секретарь — это не мелкий клерк. Это особо приближенное лицо. Ламонт не возьмет на эту должность человека, в чей надежности не уверен. Особо прочные отношения с Ламонтом необходимы Хейгу уже для того, чтобы попасть на должность личного секретаря. А за несколько лет работы прочность отношений должна резко усилиться.

Оговорив это, бегло пробежимся по следующим этапам карьеры Хейга.

1993 год. Хейг становится заместителем министра Николаса Скотта.

В 1994 году он сам становится министром Департамента.

С 1995 до 1997 года — министром по делам Уэльса в кабинете все того же Мэйджора.

В 1997 году Консервативная партия Великобритании терпит сокрушительное поражение на выборах. Хейг избирается аж лидером консерваторов. И отдает все силы и талант спасению любимой партии. Но на выборах 2001 года Консервативная партия Великобритании опять проигрывает, Хейг покидает высокий партийный пост и уходит в бизнес. Но дверь в политику он за собой не захлопывает.

В 2001–2005 годах он, являясь и бизнесменом, и членом объединенного комитета по реформированию Палаты лордов, небезуспешно занимается литературной деятельностью.

При этом Хейг на этом этапе явно колеблется — не перейти ли окончательно в бизнес. Ведь когда в мае 2005 года лидер Консервативной партии Великобритании Майкл Говард предлагает Хейгу возглавить министерство иностранных дел теневого кабинета, Хейг отказывается, ссылаясь на бизнес-обязательства. Но в декабре 2005 года Консервативную партию возглавляет Дэвид Кэмерон. Это почему-то побуждает Хейга сделать окончательный выбор в пользу политики. В том же декабре 2005 года он входит в теневоое правительство консерваторов в качестве министра иностранных дел.

Тереза Мэй

В мае 2010 года на парламентских выборах консерваторы получают большинство. Но — небольшое. И им приходится создавать коалицию с партией либеральных демократов.

11 мая 2010 года Дэвид Кэмерон возглавляет коалиционное правительство. А Хейг входит в состав кабинета. Он назначается первым министром, а также министром иностранных дел.

Но вернемся к тому, что прежде всего обратило на себя наше внимание. К тем прочным связям, которые обязательно должны существовать между блистательным представителем британской элиты Норманом Ламонтом и юношей из бедной семьи, которого Ламонт делает своим личным секретарем.

Ламонт и впрямь не чета Хейгу. Сэр Норман Стюарт Хьюсон Ламонт, барон Леруик, пожизненный пэр Англии и член Палаты лордов — на протяжении четверти века находился в центре политической жизни Великобритании.

Ламонт не только блестящий аристократ. Он еще и крупнейший финансист.

Бывший директор по инвестициям в банке «Ротшильд и сыновья»... Председатель многочисленных инвестиционных фондов... И — внимание! — ключевой игрок в том, что касается организации ограбления России в «лихие 90-е». Ведь именно Ламонт в 90-е годы XX века вел переговоры с правительством Российской Федерации о проблеме взаимоотношения России с Международным валютным фондом и Мировым банком. Ламонт умен и талантлив... В высшей степени компетентен... Крайне влиятелен... Занимая такие ключевые посты в 90-е годы, он просто не мог не сыграть решающей роли в трагической судьбе российской экономики. Да ему никто и не предоставил бы эти посты, если бы он вознамерился сыграть иную роль, стал бы артачиться (мол, хочу играть по правилам и в интересах России). Кстати, Ламонт блестяще осведомлен о деталях не только российской, но и советской жизни. Давая интервью одному из наших изданий, он сравнивает российские банки «лихих 90-х» с теми диссидентскими кухнями, на которых в советские времена собирались, чтобы поговорить. Он бывал на этих кухнях? Когда? И в каком качестве? Он от кого-то узнал о них и решил щегольнуть? Но он — «сам Ламонт», а не амбициозный мальчишка.

Сэр Ламонт много занимался не только Россией, но и Восточной Европой. Румынией, например.

И вот теперь этот блистательный и крайне влиятельный представитель британской политической и финансовой элиты оказывается гуру нашего российского «Юниаструм банка».

Что мы знаем об этом банке? Что один из его хозяев — Олег Белоусов — в конце 2001 года погиб в ресторанной перестрелке. Что, к чести других хозяев банка, жена Олега Оксана Белоусова не лишилась пакета акций, принадлежавшего ее мужу.

Но являются ли настоящими хозяевами «Юниаструм банка» Оксана Белоусова и другие владельцы наиболее крупных пакетов акций? И да, и нет. Потому что 31 октября 2008 года 80% акций «Юниаструм банка» были куплены за 576 млн долларов «Банком Кипра» (Bank of Cyprus).

А в сентябре 2010 года российский предприниматель Дмитрий Рыболовлев купил 9,7% акций «Банка Кипра». Это самый крупный пакет этого банка, находящийся в конкретных руках. Тем самым Дмитрий Рыболовлев стал крупнейшим акционером данного банка.

Рыболовлев — «Банк Кипра» — «Юниаструм банк» — сэр Норман Ламонт — его бывший личный секретарь Уильям Хейг, ныне министр иностранных дел Великобритании — и дело Браудера—Магнитского, по которому Великобритания не хочет содействовать Генеральной прокуратуре РФ по причине возможного ущерба национальным интересам...

Лишь одна из ниточек, которые можно протянуть для того, чтобы ответить на вопрос «кто сказал «щц». Конечно, это слишком тонкая ниточка, и ее категорически недостаточно. Но мы ведь и не стремимся к окончательным ответам. Мы их когда-нибудь получим, а сейчас нам достаточно обнаружить хоть что-то, говорящее о беспрецедентном масштабе сказанного «щц». И понять, как именно обнаруженное связано с ведущей войной против России. «Что день грядущий нам готовит?» Ведь все эти хитросплетения мы распутываем только для ответа на этот, единственно важный для нас вопрос.

Так кто же такой Дмитрий Рыболовлев, контролирующий через «Банк Кипра» тот самый «Юниаструм банк», в котором сэр Ламонт стал высшим финансовым гуру?

Д. Рыболовлев — это бывший хозяин «Уралкалия». Да и вообще — бывший крупнейший пермский экономический магнат. Биография его малоизвестна. Он, как и все деятели той эпохи, начал с малого бизнеса. Потом поучаствовал в приватизации. Потом охмурил пермских директоров и подмял их под себя (что уже по определению нельзя было сделать без чьей-то могущественной помощи). Потом поспорил с «Международной калийной компанией» и отбыл около года в тюрьму по обвинению в убийстве. В это время он оказался одним из ключевых противников известного нашего бизнесмена Г. Лучанского. Что тоже является косвенным индексом принадлежности

Рыболовлева к определенной группе. Ведь у Г. Лучанского в то время был всего один достойный противник — Б. Бириштейн. Сделав эту заметку на полях, идем дальше.

При чьей-то помощи Рыболовлев вышел из тюрьмы, не просидев и года. И был оправдан.

Сделав выводы из случившегося, он начинает лихорадочно строить политические коммуникации. Ведь именно их нехватка, как он считает, породила тюремное злосчастье, которое могло затянуться на десять лет. Но почему-то не затянулось.

Зацепившись вначале за пермского губернатора Игумнова, Рыболовлев вскоре сдает Игумнова и делает ставку на Юрия Трутнева. Сам Трутнев — часть очень мощного российского элитного клана. Обсуждение структуры этого клана неизбежно превратит данную и без того весьма подробную статью в отдельную книгу наподобие «Жаелей». Поэтому необходима предельная сжатость. Отбрасывая интересные детали, сообщаем читателю, что Рыболовлев, по мнению международных экспертов, — это «Ходорковский №2». И по олигархическому масштабу, и по типу низвержения с олигархического олимпа.

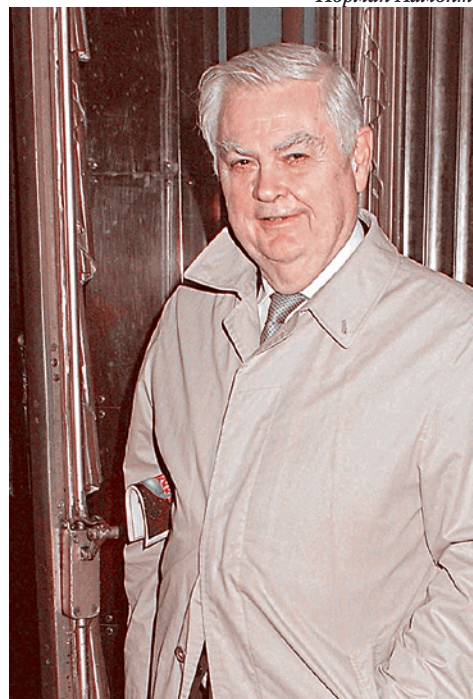
Начнем с того, что бизнес, которым занимался Рыболовлев, был для международной экономики даже более существен, чем бизнес Ходорковского. «Уралкалий» и другие предприятия, которые контролировал Рыболовлев, были способны оказать очень большое влияние на мировую экономику.

Далее укажем, что Березниковский титано-магниевого комбинат находился и в сфере интересов Ходорковского, и в сфере интересов Рыболовлева. Что этот ценнейший комбинат был куплен Ходорковским у государства по смехотворной цене и перепродан австрийскому банку «Кредитанштальт». Что в итоге достаточно сложного размена акционерных пакетов под контроль австрийского «Кредитанштальта» и (внимание!) фирмы «Боинг» попало вслед за Березниковским титано-магниевым комбинатом еще и Верхне-Салдинское металлургическое производственное объединение из Свердловской области. И так, от государства — к Ходорковскому. От Ходорковского — за рубеж. Такая операция в том, что касается производства и переработки титана, для национальнй безопасности России — страшнее любых нефтяных игр. Угроза национальным интересам и финансовые махинации — вот что объединяет деяния Ходорковского и деяния Рыболовлева. Потому что без «Кредитанштальта» Рыболовлев не мог бы сконцентрировать в своих руках тот мощный олигархический потенциал, который он в итоге сконцентрировал.

Но и это еще не все. Читатель, наверно, помнит, как «Сибнефть» пыталась создать совместно с «Юкосом» единый холдинг «Юкси». Но вряд ли ему известно, что существуют связи между «Сибнефтью» и «Кредитанштальтом». Между тем, эти связи действительно существуют. Они осуществляются через инвестиционную компанию «Кредитанштальт Грант».

Продолжение статьи — на стр. 4.

Норман Ламонт

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение статьи — со стр. 3.

Владимир Пастухов

Билл Браудер

Михаил Горбачев

Воюя со своими конкурентами за олигархические позиции в Перми и на Урале в целом, Рыболовлев существовадно опирался на «Кредитанштальт» (в виде заметки на полях укажем, что управляющим директором «Кредитанштальта», сильно развернувшегося на Урале, являлся Олег Радзинский — сын известного драматурга Эдварда Радзинского).

Впрочем, в 1997 году австрийский банк Creditanstalt Investment Bank AG был поглощен другим банком — Bank Austria. Считается, что этот банк контролируют австрийские социал-демократы. И потому австрийское консервативное правительство, делавшее ставку на Creditanstalt Investment Bank, очень опасалось данного поглощения. И согласилось на него, только когда за Creditanstalt был закреплен статус независимого банка.

Но вернемся к Рыболовлеву. И поясним, почему с Ходорковским его объединяет не только история восхождения на олигархический олимп, но и история низвержения с этого олимпа.

В 2006 году на руднике «Уралкалия» началось затопление. Причины катастрофы до сих пор являются предметом острого спора. Вплоть до 2008 года Рыболовлев, пользуясь поддержкой Юрия Трутнева и его клана, был неуязвим. Но в конце октября 2008 года тогдашний первый вице-премьер правительства РФ Игорь Сечин поручил Ростехнадзору провести повторную проверку обстоятельств, породивших катастрофу на руднике «Уралкалия». Действия Сечина привели к тому, что Дмитрий Рыболовлев в июне 2010 года был низвержен с олигархического олимпа. Один и тот же человек сверг с этого олимпа и Ходорковского, и Рыболовлева, и... между прочим, Браудера. Кстати, без Браудера и его структур, без манипуляций МВФ и Всемирного банка все эти восхождения на олигархический олимп были попросту невозможны.

В 2010 году Рыболовлев продает свое олигархическое хозяйство Сулейману Керимову и получает огромные отступные. На эти отступные он покупает футбольный клуб «Монако» и «Банк Кипра». В этом смысле он неизмеримо удачливее Ходорковского. Но низвержение с олигархического олимпа таких фигур, вышвыривание из страны Браудера, грандиозный передел собственности в России — это все, конечно же, не бесплатное удовольствие. Да, одних низвергали с олигархического олимпа с предельной беспощадностью. А других — более мягко. Но в каком-то смысле все низвергнутые — это единое, хотя и весьма противоречивое, целое. А над этим «целым» — Браудер и его гоп-компания. А над ними — Ламонт...

А вы все еще пытаетесь понять, честный ли человек Магнитский? И честны ли какие-то преследовавшие его бедолаги-правоохранители? Ну не зануда ли вы после этого?

Но пора переходить от Уильяма Хейга и Нормана Ламонта к Терезе Мэй. Именно она как глава МВД Соединенного королевства направила 2 сентября 2012 года в посольство Великобритании в Москве список из шестидесяти российских чиновников, судей и прокуроров, подозреваемых в причастности к смерти юриста Магнитского. Вот ведь, сколько понадобилось судей и прокуроров для кончины мелкого клерка!

Как и Уильям Хейг, госпожа Тереза Мэй — оплот британского консерватизма. Как и Хейг, она из небогатой семьи. Как и Хейг, она делала карьеру через учебу в Оксфорде (не в колледже Магдалины, а в колледже Святого Хью). Как и Хейг — она работала в финансовых структурах (Банке Англии). Как и Хейг, она успела и порулить Консервативной партией, пока та находилась в оппозиции, и побывать теневым министром почти всего на свете.

Как и Хейг, она вошла в 2010 году, после победы консерваторов, в кабинет Дэвида Кэмерона. Но если Хейг получил портфель министра иностранных дел, то Мэй получила портфель министра внутренних дел. И одновременно — портфель министра по делам женщин и равноправия.

Если дело Браудера долбанет по Хейгу и Мэй (а упаси бог, еще и по Ламонту), то Консервативной партии придется очень и очень туго. Поэтому и впрямь такое дело угрожает если не безопасности Великобритании, то безопасности ее нынешних консервативных властителей. Но только ли их?

Ведь и их тоже недостаточно для того, чтобы так «цыкнуть» в 1998 году, когда Браудер и Сафра обокрали не только миллионы наших сограждан, но и массу крайне амбициозных и влиятельных иностранцев.

Повторим еще раз, что даже не пытаемся в одной, сколь угодно развернутой, статье дать четкий ответ на столь глубокий и болезненный вопрос. Что мы всего лишь обеспечиваем читателю возможность прикоснуться к тому, что именуется «параллельной политикой» (или парapolитикой — убедительно просим не путать с конспирологией).

И именно с этой целью, оговорив недостаточность всех выявленных нами сюжетов для получения сколь-нибудь окончательного ответа на волнующий нас вопрос, предлагаем вкратце обсудить похождения еще одного члена «оксфордского клуба», который мы обсуждаем. На этот раз речь пойдет не о коренных британцах, а о нашем соотечественнике господине Владимире Пастухове.

Владимир Пастухов постоянно выступает в «Новой Газете» с очень лихими статьями по экономическим и политическим вопросам. Статьи подписаны так: «Владимир Пастухов, доктор политических наук, St. Antony College, Oxford».

Итак, нам мало оксфордского колледжа Магдалины, выходцем из которого является Уильям Хейг, и оксфордского колледжа Святого Хью, выходцем из которого является Тереза Мэй. Нам ниспослан еще и Владимир Пастухов из оксфордского колледжа Святого Антония.

Прямая иллюстрация на известную тему: «воистину чудовище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя». Таков, как мы знаем, эпитафия к книге Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Но сам Радищев взял этот эпитафия из 514 стиха поэмы Василия Тредиаковского «Телемахида». А Тредиаковский заимствовал свой образ из «Приключения Телемака», написанного французом Франсуа Фенелоном. А Фенелон, в свою очередь, адресует к «Энеиде» Вергилия. У которого огромный трехглавый пес Цербер оглашает лаем преисподнюю — царство Аида. Этот образ трехглавого пса очень любил Уильям Блейк. Кстати, и у Тредиаковского

сказано о трехглавом псе: «Чудище обло, озорно, огромно, с тризевной и Лаей». Радищев сознательно искажает строчку Тредиаковского и говорит о чудище не «тризевном», а «стозевном». Нам легче всего было бы вернуться к оригиналу и говорить о тризевном чудище, именуя головой чудища каждый оксфордский колледж. Но при чем тут колледжи? Наше чудище, как минимум, стозево. В любом случае, голов у него очень много. И оно вот-вот сорвется с цепи. Такое мое утверждение может возмутить читателя: «Зачем вы, цепляясь за оксфордские колледжи, конструируете многоглавое чудище, сулите нам незнамо что и при этом уклоняетесь от браудеровской темы». Читатель был бы прав, если бы мы уклонялись от браудеровской темы. Но мы от нее не уклоняемся ни на миллиметр!

Потому что в биографии Владимира Пастухова, которая Пастухова вполне устраивает, прямо говорится, что Пастухов (цитируем): «Руководитель группы юристов международного инвестиционного фонда «Эрмитаж» по судебным спорам против крупнейших публичных российских компаний с целью достижения их прозрачности и повышения публичности (дела о клевете с участием ОАО «Сбербанк», судебные разбирательства по защите прав и интересов миноритариев ОАО «Сургутнефтегаз» и другие)».

Итак, Пастухов — это не браудеровская шестерка, в отличие от Магнитского. Это рупор Браудера, его идеолог в том, что касается России. Это обстоятельство проливает свет на тот особый высокомерно-развязный тон, в котором написаны все основные статьи Пастухова в «Новой Газете».

Ведь Пастухов требует, например, зачистки всей нынешней российской буржуазии (кто он такой, чтобы этого требовать? Новый Робеспьер? Но он не у власти, и где его Якобинский клуб?) А еще он требует изъятия у нынешней российской буржуазии всей ее собственности во имя восстановления справедливости. Ибо проведенная при-

ватизация была несправедливой. По этому поводу начинают восторженно причитать очень многие наши патриоты, не замечая при этом, что Пастухов после национализации хочет провести новую приватизацию. И ясно какую — браудеровскую.

И все творчество Пастухова, этого революционера из Оксфорда, и его манифест о национализации («Преданная революция», «Новая Газета» от 9 января 2013 года) — это развернутый манифест Браудера и тех сил, которые стоят за Браудером. Тут есть все необходимое для осуществления проекта оккупации России, замысленного теми, кто управляет Браудером. На вопрос «Кто сказал „цыц“?» ограбленным в 1998 году богатым иностранцам и всему народу России можно ответить по-разному. Можно начать разбирать имена, анализировать связи и позиции. И наверняка это нужно сделать. Но можно дать и другой ответ: «Присмотритесь к творчеству Пастухова, этого подельника и официального идеолога Браудера. Присмотритесь к «Новой Газете» и ее опекуну — Горбачеву. Вдумайтесь в сам термин «перестройка-2». Еще и еще раз внимательно ознакомьтесь с предложениями Белковского о воцарении Майкла Кентского в расчлененной России. И о том, что это расчленение должно осуществляться «при участии и под давлением внешних сил», то есть в режиме оккупации. Соотнесите все это с идеологией Шарпа — архитектора оранжевых революций. С идеологией Бжезинского, воспевающего новое глобальное пробуждение. И вы поймете больше, чем в случае, если на вас вывалит огромный ворох информации, состоящей из связей, позиций, экономических и иных интересов нескольких сотен представителей нашей и зарубежной элиты».

Но главное — не пренебрегайте творчеством Пастухова. Не ухмыляйтесь по поводу его высокомерно захватывающих обещаний зачистить российский буржуазный класс, установить диктатуру здоровых сил, произвести, по сути, тотальную национализацию и так далее. Это не Пастухов с вами разговаривает, а Браудер и его опекуны, соорудившие «акт Магнитского». Это они хотят оранжевого мятежа в России, вторжения в Россию иностранных оккупационных войск, массовых казней и пыток, диктатуры, по отношению к которой гитлеровская — это детский лепет, изъятия из России триллионов долларов в пользу западной рушащейся экономики и прочих прелестей. Если вы будете беспечно относиться к подобным штукам, то они все это соорудят. И, загнав вас в гетто, лишат и Родины, и смысла, и культуры, и... И детишек ваших, умильно глядя на которых вы говорите: «Нам бы их вырастить, а если будем воевать, то не вырастим».

Впрочем, о том, что намерено сделать с вашими детишками браудеровское «стозевное чудище», о том, как его планы капитально детишек связаны с его планами окончательного ограбления России и окончательного решения русского вопроса, — в следующей статье.

Сергей Кургинян

Цербер. С сайта wall.alphacoders.com

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

На среднесрочную перспективу «прорывов» человечества к принципиально новым способам обеспечения энергетического изобилия не просматривается

**Большая энергетическая война. Часть XII.
Размышления о дальнем будущем**

Начну, как и ранее, с «академического» рассмотрения проблемы. И лишь затем перейду к ее «энерговоенным» аспектам. Как показано в предыдущей статье, «нетрадиционные» возобновляемые источники энергии в обозримой перспективе серьезной замены традиционной энергетике нефти, газа, угля, воды, атома обеспечить не смогут. Но другой готовой альтернативы традиционным энергетическим источникам и технологиям пока что не предвидится.

А проблема — то явно обостряется! И потому обрастает разного рода мифическими «проектами». Которые (извините за непоследовательную адресацию к «военному» аспекту проблемы) иногда «вбрасываются» в обсуждения энергетике будущего вполне сознательно и целенаправленно. То есть оказываются, по сути, дезинформационным измерением «энергетической войны».

Поскольку иногда такие проекты, как выяснилось, овладевают умами наших «сущест», начну с подобной «энергетической мифологии».

При этом сразу вынесу за скобки ряд «энерготехнологий», которые имеют лишь «научно-конспирологические» основания. В числе таковых — концентрация энергии «эфирных полей» (трансформаторы и генераторы Tesla и им подобные), генераторы и концентраторы торсионного поля, концентраторы лямбда-энергии физического вакуума, установки холодного ядерного синтеза и т.п.

Все это отвергается подавляющим большинством научно-технологического сообщества мира, поскольку не имеет надежных теоретических и, тем более, экспериментальных подтверждений. Конечно, нельзя исключать, что в будущем и теоретические, и экспериментальные подтверждения чего-то подобного появятся. Но... вот тогда о них и поговорим.

Однако есть энергомифы, в основе которых имеются и теория, и практика. Нет лишь того, что в экономике приоритетно: здорового расчета приобретений и издержек. Один из таких мифов — «водородная энергетика».

Действительно, как здорово: извлекать водород можно из воды, которой на нашей планете более чем достаточно. А сжигая водород на тепловых электростанциях и в двигателях различных машин, мы получим необходимую энергию плюс водяной пар — и все. Никаких твердых, жидких, газообразных вредных отходов!

Некоторые экологи говорят: мол, все равно, коэффициент полезного действия (КПД) тепловых агрегатов будет в лучшем случае порядка 60%, а остальное тепло станет нагревать атмосферу и приближать ужасы «глобального потепления». На это сторонники водородной энергетики отвечают: тогда давайте использовать в качестве преобразователей энергии электрохимические «топливные элементы», где «на водороде» уже можно добиться КПД по электричеству до 80–90%.

Все эти благости, уввы, «не про то».

Мечтатели о водородной энергетике говорят о неограниченных запасах воды, из которой можно извлекать водород, а также о других (например, через синтез-газ) способах получения водорода. Но при этом забывают, что добыть водород — дело очень энергозатратное. И что даже при использовании самых современных технологий с катализаторами и использованием хитроумных биохимических процессов (не говоря об электролизном разложении воды на кислород и водород), — затраченная на получение водорода энергия оказывается больше, чем та, которая выделится при его энергетическом применении.

Так что «топливный» водород при существующих технологиях имеет смысл получать только за счет энергии наиболее эффективных «традиционных» электростанций, и только для того, чтобы использовать в энергетике в условиях, где требуются особая экологическая «безотходность» и чистота.

Теперь перейдем к тому, на что уже давно возлагаются наиболее фундаментальные «энергетические надежды». Это термоядерная энергетика, или управляемый термоядерный синтез (УТС).

Мечтают об УТС уже 60 лет — с тех времен, когда взорвали первые термоядерные бомбы. Бомбы стали экспериментальным подтверждением того теоретического факта, что из грамма «термоядерного топлива» можно получить в 20 миллионов раз больше энергии, чем из грамма нефти. И тогда ученые и технологи занялись главным словом в УТС — «управляемый».

Дело в том, что термоядерные реакции с таким гигантским энергетическим выходом происходят лишь в случае, когда ядра изотопов «горючего» удаются, преодолев электрические силы отталкивания, сблизить до расстояний, когда над отталкиванием начинает преобладать притяжение так называемого «сильного» взаимодействия. И тогда ядра сливаются с выделением огромной энергии.

В звездах (энергию их «горения» обеспечивают именно термоядерные реакции в плазме) это обеспечивается сверхвысокими давлениями и температурами плазмы в многие миллионы градусов. То есть, чтобы решить задачу УТС, нужно обеспечить «звездные» условия в промышленной энергетической установке.

Ясно, что это проще всего сделать для ядер, малый электрический заряд которых позволяет легче преодолевать силы отталкивания, и для которых одновременно высока вероятность слияния в термоядерной реакции. Это, как выяснилось еще при создании водородных бомб, изотопы водорода дейтерий и тритий, в которых, в отличие от обычного водорода с ядром из одного протона, в ядре с протоном соседствуют один (у дейтерия) и два (у трития) нейтрона. Причем если тритий радиоактивен и быстро распадается (хотя его можно производить искусственно), то дейтерий сравнительно устойчив, и его довольно много в обычной воде. А значит, океаны, моря, озера и реки Земли в потенциале содержат практически неисчерпаемый — на миллионы лет — источник энергии для человечества.

Дальше — начинаются научно-технологические сложности. Даже самая «легкая» термоядерная реакция — между ядрами дейтерия и трития — требует температуры плазмы около 100 млн °С. А также удержания плазмы в зоне реакции достаточно для реакции время и одновременного обеспечения необходимой плотности плазмы. Никакие мыслимые материалы — для конструкции реактора — таких условий не выдерживают.

И потому (первый вариант) для управляемой реакции нужно удерживать плазму в магнитном поле, разогревая ее электрическим током и не допуская ее контакта со стенками реактора. Или же (второй вариант) — разогревать и сжимать микроскопические объемы «термоядерного горючего» направленными со всех сторон одновременно лазерными импульсами, и проводить реакцию не непрерывно, а в виде серии «термоядерных микровзрывов».

Пока что значимых подвижек в решении проблемы УТС добились по первому варианту — в исследовательских установках под названием ТОКАМАК (тороидальная камера с магнитными катушками). Их в мире строили и испытывали уже сотни, причем много лет в этой сфере лидером был СССР. В ходе этих исследований выяснялось все больше научных и технологических проблем, установки становились все сложнее и дороже. И поэтому (хотя здесь есть особые вольности, к которым я вернусь ниже) было решено объединять исследовательские работы по «мирному термояду» в крупные международные проекты.

В 2007 г. на одном из международных семинаров выделенная энергия термоядерной реакции впервые превысила энергию,

затраченную для ее запуска. На следующий прорыв к термоядерной энергии рассчитан крупнейший международный проект токамака ITER, который строят на юге Франции и рассчитывают запустить в работу в 2020 г.

Но и проект ITER — пока тоже исследовательский. Ведь наиболее достижимые термоядерные реакции «дейтерий-тритий» — дают на выходе, помимо «нужного» тепла, «вредный побочный продукт» в виде мощных потоков высокоэнергетических нейтронов. Которые быстро разрушают стенки реактора, заодно превращая компоненты конструктивных элементов реактора в изотопы с очень высокой радиоактивностью.

В связи с этой проблемой уже давно возникла идея использовать в термоядерной реакции такое «горючее», которое не создавало бы подобных «вредных продуктов». Это «горючее» также давно известно. В частности, реакция между дейтерием и изотопом гелия-3, в ядре которого два протона соседствуют с одним нейтроном (He3), дает на выходе тепло плюс поток протонов, не причиняющих значимого вреда конструкционным материалам реактора.

Вроде бы, все замечательно, и «вперед»? Увы, все не так просто.

Во-первых, в отличие от «обычного» гелия (He4) с двумя протонами и двумя нейтронами в ядре, гелия-3 на нашей планете крайне мало. «Рождают» его ядерные реакции на Солнце (на 3000 ядер He4 одно ядро He3). А затем Солнце выбрасывает этот изотоп, наряду с другими, в космос в виде так называемого «солнечного ветра». Но на Землю заряженные частицы «солнечного ветра», включая ядра He3, почти не попадают — они отклоняются магнитным полем нашей планеты.

«Бум» разговоров о термоядерной энергетике гелия-3 возник тогда, когда этот изотоп был найден в заметных количествах в образцах реголита («лунной пыли»), доставленных на Землю нашими и американскими аппаратами. И понятно, почему: у Луны, в отличие от Земли, магнитного поля нет. И все, что приносит «солнечный ветер», накапливается в порах реголита.

То есть, строй на Луне горнодобывающие комплексы, перелопачивай реголит, извлекай из него и кислород для «лунных поселков», и гелий-3, и отправляй это ценнейшее сырье на Землю? В принципе, возможно. Но... расчеты показывают, что, при прогнозируемых в перспективе ближайшего полувека технологиях, выход термоядерной энергии от полученного таким образом «сырья» будет намного меньше, чем затраты энергии на его добычу и доставку на Землю...

Однако и это не все. Условия «запуска» термоядерной реакции на гелии-3 —

во много-много раз сложнее, чем на дейтерии и тритии. И если лучшие умы планеты десятки лет бьются над УТС с использованием более простой реакции — понятно, что до «энергетического термояда» на гелии-3 человечеству еще добираться и добираться.

Так что до «дешевого и чистого термояда», по самым оптимистическим оценкам, человечеству идти еще лет пятьдесят... Которые еще надо как-то прожить...

А теперь, как и обещал, обсудим «военный» аспект термоядерной энергетики.

В эпоху противостояния советской и западной систем все, касающееся термоядерных исследований, было строго засекречено: ведь любой «прорыв» в них сулил военное преимущество. Соответственно, спецслужбы ведущих стран мира в этой сфере действовали именно по правилам войны. То есть, воровства (если удавалось) научных и технологических секретов, дезинформации противника и диверсий.

СССР и США с начала 50-х годов в области «термояда» шли «ноздря в ноздрю» (напомню, что американцы в 1952 г. взорвали «термоядерное устройство» размером с дом, а мы в 1953 г. — уже настоящую водородную бомбу). Тогда воровство термоядерных секретов было взаимным. А далее, наряду с таким воровством, пошла «тихая война» дезинформации противника (упомянутый выше, якобы открытый американцами, но позже опровергнутый «холодный термоядерный синтез» — лишь один из эпизодов), а также его «диверсионного» торможения.

В этой войне, история которой пока не написана (в том числе, из-за сохраняющейся секретности основной части «термоядерных работ» было много «специопераций»). Публикации «научных» статей, упреждающих противника с перспективных направлений исследований... Внедрение в исследовательские группы «по термояду» зарубежной агентуры... Продажа СССР через нелегальные «третьи руки» (напомню, что в отношении нашей страны в эпоху «холодной войны» действовал строгий запрет на поставки передовых западных технологий) суперкомпьютеров и другого оборудования с «диверсионными» техническими и программными «закладками»...

Все это, конечно же, существенно тормозило продвижение к термоядерной энергетике.

Но тормозило не только это. Еще в начале 70-х годов XX в. в мире (причем и в западном, и в советском блоках) обнаружился отчетливые признаки «свертывания» научно-технологической гонки. В том числе, по ключевым «прорывным» направлениям — космическому и термоядерному.

В США резко снижаются инвестиции в пилотируемую космонавтику. В СССР «на конечной стадии» прекращается цикл испытаний крупнейшей «лунной» ракеты Н1, причем с дальнейшим уничтожением готовых к испытаниям аппаратов. В 1975 г. совместным полетом «Союз-Аполлон» фактически завершается «большая космическая гонка».

Но такое же резкое торможение — и в финансировании, и в реализации новых крупных проектов, — во всем мире отмечается в термоядерных исследованиях.

Почему — об этом мы позже поговорим в рубрике «концептуальная война». Здесь же подчеркнем, что на среднесрочную перспективу «прорывов» человечества к принципиально новым способам обеспечения энергетического изобилия — не просматривается.

Что из этого следует в части «энергетических войн» — мы обсудим в следующей статье.

Юрий Бялый

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Первое необходимое условие запуска «машины зла» — разрушение смысла, и прямое следствие такого разрушения — утрата обществом образа будущего

Машина зла — 3

Прежде чем перейти к описанию «машины зла», сделаем одну существенную оговорку. «Машина зла», безусловно, вызывают из клубящейся под тонкой культурной пленкой бездны (она же «раскаленный хаос» Ницше и «бессознательное» Фрейда). Однако демонизировать бездну, ставить знак равенства между нею и адом — было бы неверно.

Эта бездна, скорее, сродни хаосу в понимании древних греков. Слово «хаос» означает в переводе с древнегреческого «разверзаться». Когда хаос, изначальное состояние мира, разверзается, из него выходят не только «темные» начала: Ночь, Мрак и Тартар, — но также Гея и Эрос. А Ночь и Мрак, в свою очередь, порождают День и Эфир. С разделением «темного» и «светлого» тут не просто.

Виктор Франкл, полемизируя с Фрейдом, утверждал, что в глубинах бессознательного сокрыты не только неутоленные влечения, но и истоки трех важнейших духовных двигателей человеческого бытия — совести, любви (не сводимой к физиологическим проявлениям) и творческого вдохновения. «Дух покоится на бессознательном... Человеческая духовность не просто неосознанна, а неизбежно бессознательна», — утверждает Франкл.

Совесть, любовь и вдохновение — дологичны, интуитивны. Они делают человека способным к духовному предвосхищению. Человек предощущает то, что должно, не на уровне сознания — о должностивании ему нашептывает на древнем, дорациональном, языке его совесть. Ибо в отличие от сознания, которому открыто существо, совести («духовному бессознательному») открыто то, что еще не существует, но должно существовать. А любовь предугадывает в любимом «то еще не существующее, что может быть». Не об этом ли мандельштамовское: «Быть может, прежде губ уже родился шепот...»?

Таким образом, «раскаленный хаос» (бессознательное) нельзя приравнивать к аду. Но в то же время именно из этой толщи дочеловеческого, скрытого под тонкой пленкой культуры, выходит, как джинн из бутылки, «машина зла».

В предыдущей статье мы уже говорили о том, что противостоять расчеловечиванию может лишь тот, кто связан прочной нитью со смыслом. Пока эта связь не разрушена — человек способен сопротивляться самым сокрушительным обстоятельствам, оставаясь человеком.

«Машина зла» расчеловечивает не отдельно взятого человека. Она подминает, «перекодирует» огромную человеческую массу. Пока общество скреплено коллективным смыслом — привести в движение «машину зла» не удастся. (На возможное возвращение о том, что во времена нацистской Германии немцы тоже обладали коллективным смыслом, я отвечу чуть позже.) Поэтому первое необходимое условие запуска «машины зла» — разрушение смысла, и прямое следствие такого разрушения — утрата обществом образа будущего.

Франкл настаивал, что «упрямство духа» — способность человека сохранять человечность и выстаивать в самой экстремальной ситуации — напрямую связано с его устремленностью в будущее. В Освенциме и Дахау наибольшие шансы выжить имели «те, кто был направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать». Перенеся тот же принцип на целое общество, можно сказать, что общество обладает устойчивостью, способностью к сопротивлению и развитию до тех пор, пока имеет образ будущего.

Фактически о том же говорят научные исследования, касающиеся функционирования систем. Именно цель является главным системообразующим фактором. Живая система (в частности, человеческое общество) не может функционировать, не развиваясь. А развивается она до тех пор, пока впереди маячит цель, исходя из которой вырабатывается понимание — какого результата необходимо добиваться в тот или иной промежуток времени. Иными словами, система функционирует до тех пор, пока есть образ

будущего. Утрата образа будущего — важнейшее условие разрушения системы.

Приходу фашистов к власти в Германии, когда «машина зла» явила себя во всей своей мощи и беспощадности, предшествовала утрата немцами образа будущего. Об этом много написано. Но я в очередной раз адресую читателя к кино — на сей раз к фильму Ингмара Бергмана «Змеиное яйцо». Считаю применение такого приема — отсылку к художественным произведениям, будь то литературное сочинение или кинофильм — оправданным, поскольку крупным писателям и режиссерам удается в емкой образной форме выразить сущность сложных, многомерных процессов, на словесное описание которых ушли бы десятки страниц (что в рамках газетной статьи невозможно).

События фильма разворачиваются в течение нескольких ноябрьских дней 1923 года — тех самых, когда в Мюнхене происходит рукотворимый Гитлером «пивной путч». Однако ни Гитлер, ни другие участники путча на экране не появляются ни разу. Все действие сосредоточено в Берлине. Бергман воссоздает атмосферу растерянности, отчаяния и зататапливающего людей страха (в сценарии он называет это «атмосферой подкрадывающегося парализа»). Улицы города еле освещены, ледяной ветер насквозь продувает плохо одетых прохожих. Привычный порядок жизни сломан. Поезда перестали ходить по расписанию. Инфляция галопирует. Безработица достигла чудовищных масштабов. Правительство мобилизовало для охраны Берлина войска чрезвычайного назначения. Несмотря на это, в городе под покровом ночи творится насилие.

Рефреном через весь фильм проходит повторяемая на разные лады фраза о том, что немецкое население потеряло веру в будущее. «Знаешь, что самое страшное?» — спрашивает главная героиня, Мануэла, у главного героя, Абеля. — То, что у людей нет будущего. Ведь не только нам с тобой особенно не на что надеяться. Все утратили будущее».

Газета «Фелькишер беобахтер» — «боевой орган национал-социалистического движения Великой Германии» — вещает (к вопросу об информационно-психологической войне): «Грядут страшные времена. Со всех сторон протягиваются к нашему горлу окровавленные руки обрезающих язычников-азиатцев. Истребление христиан, учиненное евреем Изаскаром Зедефлюмом, известным под фамилией Ленин, могло бы заставить покраснеть даже Чингисхана. Свора жидов-террористов, натасканных на гнусное ремесло насильников и убийц, рыщет по стране, вздергивая на передвижные виселицы честных жителей городов и сел... Вы будете выжидать, пока в вашем городе, как в России, начнут свою кровавую работу большевистские комиссары? Будете выжидать, пока не споткнетесь о тела ваших жен и детей? Страшно жить в наши дни».

Но люди не могут существовать без образа будущего. И спустя совсем немного времени немцы согласятся на образ будущего, предложенный фашистами. Бергман сравнивает это будущее с рептилией, контуры которой явственно угадываются под тонкой кожей змеиного яйца.

Именно пришествию такого специфического будущего посвящает свои труды еще один персонаж фильма — руководитель клиники Святой Анны, доктор Ханс Вергерус, экспериментирующий над людьми.

Эксперимент Вергеруса «на сопротивляемость» состоит в том, что милую, спокойную женщину запирают в замкнутом помещении с четырехмесячным тяжело больным ребенком. Ребенок безостановочно плачет. Скрытая камера в течение многих часов фиксирует все фазы изменения состояния женщины: от жалости к ребенку и намерения успокоить его — до полной апатии, а затем до взрыва ненависти, завершающегося удушением младенца.

Другой эксперимент посвящен изучению воздействия «танатоксина» (от слова «танатос») — наркотика, инъекция которого вызывает у подопытного тотальный и безотчетный ужас, лишая его воли к жизни. По окончании действия танатоксина многие подопытные совершают самоубийство.

Доктор Вергерус убежден, что основой старого, рухнувшего общества была абсолютно утопическая идея, согласно которой человек по природе добр. Новое общество будет основано на реалистической оценке возможностей человека. Но человек — извращение природы. И его надо «подкорректировать». На эту цель и направлены эксперименты Вергеруса.

Демонстрируя Абелю кадры, на которых запечатлен человеческий поток, уныло текущий по улицам Берлина, Вергерус дает такой прогноз: «Эти люди не способны осуществить революцию — они слишком унижены, втоптаны в грязь. Но через десять лет десятилетие станут двадцатилетним, пятнадцатилетним будет по двадцать пять. Ненависть, унаследованная от родителей, они соединят с собственным идеализмом и нетерпением. Один из них облетит в слова их невысказанные чувства. Он пообещает им будущее. Он предъявит требования. Он заговорит о величии и жертве. Молодые и неискушенные заразят своей смелостью и верой усталых и изверившихся. И тогда свершится революция, и мир рухнет в крови и пламени».

Фашисты действительно пообещали немцам будущее — и вывели нацию из состояния раздавленности, подключив ее к чрезвычайно мощной энергии. Вопрос в источнике этой энергии.

Подлинный образ будущего подключает человека к созидательной энергии. Он подразумевает, что дорога в благое будущее открыта для всех. И что на пути к будущему всякий получает возможность развиваться и восходить.

Лжеобраз будущего предполагает, что пропускные билеты туда выдаются избирательно. Будущее — не для всех. Такая модель будущего подключает его строителей к энергии «машины зла». В соответствии с официальной нацистской Программой умерщвления «Т-4» («Акция Тиргартен-штрассе 4»), в будущем не оказалось места сначала для душевнобольных, умственно отсталых и наследственно больных граждан Германии (в первые годы действия программы их стерилизовали, дабы они не плодили себе подобных, «загрязняя» расу, позже — массово уничтожали). Затем выяснилось, что в будущем нет места и для инвалидов.

А затем в список тех, кому не место в будущем, были включены целые народы (евреи, цыгане), «социально опасные элементы» (коммунисты), нетрудоспособные узники концлагерей, больные «остарбайтеры»... И так далее.

Как у мерзавцев поворачивается язык сравнивать фашизм и коммунизм! Фашисты в целях «расовой чистоты» в первую очередь пустили под нож «неполноценных» детей в возрасте до трех лет. А коммунисты создавали интернаты для детей с физическими и психическими ограничениями, и искали новаторские способы развития таких детей. Вспомним хотя бы Эвальда Ильенкова, сумевшего в ходе длительной теоретической и практической работы доказать, что даже слепоглохонемые от рождения дети могут стать полноценными членами общества.

Когда наши враги решили запустить в СССР «машину зла», то применили уже опробованную фашистами схему. Первый шаг — лишить советских граждан образа будущего. Мы уже не раз обращались к данной теме, описав, как долго и кропотливо враг добивался, чтобы наши соотечественники перестали любить свою историю, содрогнувшись от «ужасов, которые творил Сталин»... Чтобы они разлюбили свою страну — ведь нельзя же испытывать дочерние и сыновние чувства к «тоталитарному монстру»... Чтобы перестали ценить коллективизм, на котором наша страна держалась веками... Чтобы отменили возможность братского существования народов СССР...

Информационно-психологическую войну против СССР вел не только внешний враг, но и пятая колонна внутри страны, разлагавшая в первую очередь нашу политическую элиту. Уничтожение советского образа будущего началось не в перестройку, а в «оттепель», в 1961 году, когда Хрущев провозгласил на XXII съезде, что коммунизм будет построен к 1980 году. При этом под коммунизмом почему-то подразумевалось избобление материальных благ («КПСС выдвигает великую задачу — достичь за предстоящее двадцатилетие уровня жизни народа, который будет выше, чем в любой капиталистической стране...»). Уже тогда словосочетание «построение коммунизма» превратилось в то, над чем можно хохмить.

Нацистский образ будущего не предполагал, что в нем есть место душевнобольным, умственно отсталым, наследственно больным, инвалидам и еще много кому.

Нацистский постер, пропагандирующий эвтаназия.

*Надпись:
«Этот больной за время жизни обходится народу в 60 000 рейхсмарок.
Гражданин — это и твои деньги!».*

C сайта burbuja.info

Характерно, что необходимость массовых убийств нацистские пропагандисты обосновывали не только соображениями «расовой гигиены», но и экономическими факторами. Осенью 1939 года была разработана пропагандистская формула 1000:10:5:1. Она означала, что на каждую 1000 людей приходится 10 нетрудоспособных, из этих 10 нужно оказать помощь пятерым, а одному — ликвидировать. Согласно нацистской статистике, по этой формуле надлежало уничтожить примерно 70 тысяч человек, что давало экономический эффект в 885 440 000 рейхсмарок (средства, сэкономленные благодаря тому, что уничтоженных не надо содержать и лечить).

Но одно дело — болтать на партсоборных о скором построении коммунизма, держа фигу в кармане, а другое — открыто от него отречься. Чтобы духу хватило на такое, нужен крайне привлекательный для большинства альтернативный образ будущего. Его и предложили перестройщики. И общество клюнуло на наживку, не сразу догадавшись, что ему подсунили лжеобраз, ибо дверца в новое будущее оказалась на поверку слишком узкой. Вхождение всех в это будущее вовсе не предполагалось.

Но об этом — в следующей, заключительной статье.

Анна Куудинова

КЛАССИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Выход из бесперспективного конфликта между ревнителями феодализма и духа и ревнителями капитализма и техники был найден только в советский период

Доктрина тотальных войн (продолжение)

Тема готовности (точнее, неготовности) России к тотальной Первой мировой войне, в которой ей пришлось участвовать буквально через десять лет после проигранной русско-японской войны, слишком обширна, чтобы можно было уложиться в рамки одной статьи. Поэтому продолжим рассказ о русских военных концепциях перед войной и о событиях самой войны, которая тоже оказалась проигранной Россией.

В предыдущей статье мы назвали три болевые точки на тот момент военно-политические группировки, обсуждавшие, какую военную доктрину принять. Теперь подробнее опишем их представления.

Итак, с западниками все понятно — они и тогда, так же как и сейчас, были одержимы одной идеей: нечего изобретать то, что уже давно придумано более толковыми людьми. Речь, естественно, шла о германских, прусских и французских военных доктринах как самых «передовых» для того времени. Кстати, французская и прусская доктрины — сильно отличались. В том числе, и в вопросе о роли духа (по-французски — «элан»). Но наших военных-западников это не очень волновало. Им главное было уметь военных-почвенников. Чтобы не выдумывали, гады, свой велосипед, а делали все так, как «у них».

Что же касается почвенников, то они спорили не только с западниками, но и между собой. Одних военных-почвенников можно назвать технократами. Они сражались за необходимость полного технического перевооружения армии, хотя и пытались при этом не потерять исконно присущий русской армии воинский дух. Этим военных-почвенников называли «огнепоклонниками».

Другие же военные-почвенники настаивали на том, что любой технократизм погубит дух русской армии. И потому надо этот технократизм отвергнуть — во имя буквального воспроизводства суворовско-петровских традиций. Таких военных-почвенников называли «штыколюбями».

В каком-то смысле «штыколюбцы» призывали к возвращению основ крепостного абсолютизма, ибо без такого возвращения их идеальная армия никак не вытанцовывалась. Разумеется, они ничего подобного напрямую не утверждали. Но царь и его окружение улавливали скрытый пафос «штыколюбцев» и благоволили к ним, потому что хотели того же самого. Ведь нельзя было сохранить абсолютную монархию в России без возврата к той феодальной «бытийственности», на которую она опиралась. И опять же — ни царь, ни его окружение не могли напрямую об этом сказать. Умолчание «штыколюбцев» и умолчание царского двора пререксно дополняли друг друга. Возникла тайная взаимная симпатия «умалчивающих о главном».

Феодальную бытийственность никто, естественно, не высказывал. Ибо это было невозможно. А вот переход военного строительства на рельсы буржуазных принципов — тормозился всеми способами.

Понять, к чему это приводило на практике, можно, ознакомившись с позици-

И.Репин (1889). *Свиты Его Величества генерал-майор Михаил Иванович Драгомиров.* С сайта portrait-photo.ru

ей лидера партии «штыколюбцев» генерала М. И. Драгомирова. Драгомиров был выдающимся военным мыслителем и весьма экстравагантным человеком. Он обладал громадным авторитетом в армии, писал талантливые статьи и книги по военной теории, высоко ценил традиции русских полководцев прошлого. Но отвергая все, что стремительно вносила в жизнь ненавидимая им буржуазная эпоха, Драгомиров договаривался до бредовых вещей, никак не совместимых с его умом и талантом.

Например, он категорически не признавал современной техники в армии, высмеивал пулеметы и тяжелую артиллерию.

Вот что он писал о пулемете Максима, когда несколько образцов этого оружия привезли для испытаний в Россию: «Если бы одного и того же человека нужно было убивать по несколько раз, то это было бы чудесное оружие. На беду для поклонников быстрого выпуска пули, человека довольно подстрелить один раз, и расстрелять его затем, вдогонку, пока он будет падать, надобности, сколько мне известно, нет».

Надо ли говорить, что пулемет Максима сыграл выдающуюся роль и в ходе Первой мировой, и Гражданской войн, да и в начале Великой Отечественной он все еще состоял на вооружении. Однако «штыколюбцы» не поняли значения новой техники и не приняли ее, пока не разразилась Первая мировая война.

А теперь — о самом главном. Выход из бесперспективного конфликта между ревнителями феодализма и духа и ревнителями капитализма и техники был найден только в советский период. Большевики предложили новый тип бытия, который не был ни буржуазным, ни феодальным, хотя имел черты и того, и другого. Найдя новый синтетический тип бытия (он же советский образ жизни), большевики построили и новую армию, в которой осуществили синтез духа и технократии. И на этой основе выиграли Великую Отечественную войну.

То есть настоящая проблема фундаментальной военной проблемы находилась за пределами того, что могли предложить сами военные. Сначала Ленин и Сталин создали новый общественный строй, соединив развитие с нашей традицией, и обеспечив синтез этих двух начал, а затем Фрунзе и Шапошников создали новый тип армии на основе синтеза «штыколюбства» и «огнепоклонничества».

Из фундаментального военного тупика можно выйти, только начав решать проблемы более масштабные, чем чисто профессиональная военная проблематика. Думается, что эти уроки прошлого не потеряли значения для нашего настоящего и будущего.

Что же касается царской армии, то оказавшись заложницей тезиса и антитезиса, лишённых всяческой возможности синтеза, она заплатила страшную цену.

Ведь непримиримо враждовавшие военные партии создали своим конфликтом ситуацию, при которой какое развитие вооруженных сил было невозможно. В конце концов, по итогам многолетних споров, была принята «Большая программа» по усилению армии, в которой было отражено так называемое компромиссное решение, обрекавшее армию на поражение.

Справедливости ради укажем, что сама программа все-таки позволяла вводить какие-то необходимые технические и организационные усовершенствования. Однако тупиковый конфликт военных партий привел к тому, что этот документ столь долго проходил согласования, что силу закона он получил лишь за три недели до начала войны, когда уже реально ничего нельзя было сделать. Описанная мною трагедия русской армии весьма поучительна. Как писал историк военного дела Н. Н. Головин, «русская военная наука, насчитывавшая в своих рядах многих выдающихся ученых, зачастую уподоблялась ведущему колесу без сцепления». Теперь мы понимаем, почему этого сцепления не было.

Понимаем мы и то, чем обернулось отсутствие такого сцепления на практике. Парализованная описанным выше конфликтом военная мысль не сумела вовремя понять, что

будущая война превратится в многолетнюю гигантскую кровавую бойню. В военном министерстве и в Генеральном штабе при составлении планов войны исходило из того, что она будет скоротечной — три-четыре месяца, самое большее, полгода. Генштабисты были убеждены, что при лобовом столкновении крупных европейских держав все решится молниеносно, поскольку длительной войны, сопровождающейся разрывом взаимных экономических связей, ни одно из противоборствующих государств не выдержит.

А раз так, считали в Генштабе, наличных запасов оружия, артиллерии, снарядов, амуниции российской армии на такое время хватит. Например, к 1914 году винтовок изготовили 4,5 млн штук — как раз, чтобы вооружить отмобилизованную армию плюс 10%-ный запас. То же самое было со снарядами — по 1000 снарядов на трехдюймовую пушку и по 300–500 на тяжелое орудие.

Однако первые же сражения показали, что судьбы этой войны решались артиллерийским огнем. Расход боеприпасов оказался невероятным — по 300 снарядов в день выпускали скорострельные трехдюймовки. За два-три дня уходил боезапас, рассчитанный на всю войну!

Осенью 1914 года стало понятно, что исход войны будет решен не доблестью войск, растянутых на фронте в полторы тысячи верст, а производительностью оружейных заводов в тылу. Стало понятно, что эта война совершенно другая — высокотехнологичная, требующая развитого и бесперебойно работающего военно-промышленного комплекса. Стало понятно, что к войне с участием массовых армий необходимо было заранее продуманно готовить все общество, весь потенциал нации — военный, духовный, экономический и т. д., подчинить задачам фронта всю жизнь страны. Но Россия была к этому катастрофически не готова.

Причем, как выяснилось, не была готова не только организационно и технически, но и идеологически. Знаменитый русский воинский дух, на который как на палочку-выручалочку так надеялись наши полководцы, не являлся там, где солдаты не понимали, за что они воюют. Первая мировая, война массовых армий, впервые показала, какое громадное значение имеет пропагандистская и идеологическая работа в войсках.

Как оказалось, ни военное руководство, ни командиры воинских подразделений не могли внятно объяснить солдатам, за что они должны проливать кровь на фронте. Вот отрывок из военного приказа по 2-й армии от 4 июня 1915 года: «В настоящей войне с вековым врагом славянства — с немцем, мы защищаем самое великое, что только когда-либо могли защищать, — честь и целостность Великой России».

Мало сказать, что эти абстрактные и высокопарные слова не могли поднять дух солдат — они им были попросту непонятны. Непонятны были не только умозрительные «честь и целостность», но и гораздо более конкретные — славянство, Германия, Австро-Венгрия и т. п.

По этому поводу существует замечательное наблюдение в мемуарах прославленного русского генерала, героя Первой мировой войны А. А. Брусилова. Он пишет не только о гораздо худшем, чем у противника, техническом оснащении русских войск, но и о том, что «еще хуже была у нас подготовка умов к войне... Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову, — как будто ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эри-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя. Что же сказать про такое пренебрежение к русскому народу?».

Генерал Алексей Брусилов в 1917 году. Фото с сайта commons.wikimedia.org

Мы не будем описывать всю трехлетнюю историю Первой мировой войны, столь драматично сложившуюся для России.

Ни того, как героически сражались русские солдаты в первые два года войны — и как бездарно и преступно осуществлялось снабжение войск провиантом, амуницией и, главное, оружием.

Ни того, как хищнически действовали частные фабриканты, отбирая военные подряды у казенных военных заводов и, вместо производства столь необходимого для нужд фронта оружия, разворовывали деньги военного бюджета.

А.А.Маниковский. С сайта rufort.info

Ни того, как вопреки всей системе единственный честный человек — начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерал А. А. Маниковский — сумел наладить сначала выпуск артиллерийских снарядов, а потом, став военным министром, и все тыловое снабжение армии. Однако было уже поздно, ибо армия отказалась воевать.

Вместо этого приведем строки поэта Валерия Брюсова:

Мы перед врагом отступать
Будем теперь — почему же?
Брошена русская рать
Там, на полях, без орудий.
Нечем на залп отвечать,
Голые руки... О, Боже!
Многое можно прощать,
Многое, но ведь не все же!

Категория прощения, возможно, здесь вообще неприемлема. Но если она в каком-то смысле и правомочна, то лишь постольку, поскольку может быть осознана фундаментальная природа произошедшего. И из этого осознания должны быть сделаны настоящие выводы, которые в будущем спасут нас от повторения прошлого.

Юрий Бардахчиев

РЕАЛЬНАЯ РОССИЯ

Невозможно представить, что люди, хоть сколько-то укорененные в реальности, могли прийти на Болото, не замечая или игнорируя совершенно очевидные последствия, наступившие бы в случае его победы

В действительности всё не так, как на самом деле

Итак, прошлой зимой некоторому количеству наших сограждан «продали» болотный протест — как вещь модную, престижную и необходимую каждому уважающему себя человеку. «Продавцы», как и во всех остальных случаях, лгали без стыда и совести, без отдыха и остановки — что поделашь, noblesse oblige — положение обязывает.

Ну, а что такого? Разве можно в наше время что-нибудь продать без рекламы и маркетинга? А реклама без вранья в природе не встречается. По крайней мере, в наши дни. Говорят, что в древности реклама только информировала о товарах и была правдивой. Возможно, так и было. Но этот вид давно вымер. Та реклама, которую мы можем наблюдать, жива насковозь. Она врет обо всем — о товаре, его свойствах, его необходимости, его преимуществах... Да что реклама! Теперь есть еще и маркетинг, которого древние не знали (и реклама, кстати, теперь не самостоятельна, она только часть маркетинга). А маркетинг — это ложь по определению, с самого его рождения.

Ведь что такое маркетинг? Маркетинг — это создание Потребителя с большой буквы — готового покупать, покупать и покупать, для которого потребление — это и есть жизнь. Как? Внушить человеку потребности, которых нет. Внушить ему, что удовлетворение потребностей — это главное дело в жизни. Потому что люди должны развиваться и проявлять свою индивидуальность. А их индивидуальность — это то, что они потребляют. Покупаешь одежду Gucci — ты аристократичная и вальяжная индивидуальность. Покупаешь айфон — ты современная и продвинутая индивидуальность. И неважно, что вокруг все потребляют одно и то же: поголовно все вокруг имеют (или хотят иметь) айфон и носят что-то (или пахнут чем-то) от Gucci — ты все равно индивидуальность. Более того, появляется даже какое-то социальное измерение у твоего потребления: теперь можно отличать своих от чужих. Есть айфон — наш человек! Нет айфона — чужой. Что? Денег на айфон нет? Так возьми кредит! Потому как приличный человек без айфона не может.

(Кстати, немного подробнее об айфонах. После публикации предыдущей статьи неожиданно выяснилось, что среди наших читателей, особенно старших возрастов, есть люди, которые — вы не поверите! — не знают, что такое айфон. Мы тоже сначала не поверили. Да и как поверить, когда все вокруг ходят с айфонами — значит, он всем известен и всем доступен (для справки: цена Apple iPhone 5 на «Яндекс.Маркете» — от 21 999 до 94 990 руб., в зависимости от «крутости»).

Так вот, айфон — это мобильный телефон такой. Фирмы Apple. С возможностью выхода в интернет. Но если «просто» мобильный телефон можно иметь, а можно и не иметь (если не хочешь, чтобы тебя могли «достать» в любой момент), если интернет может быть дома, а может и не быть (если любишь читать книги), то айфона не быть не может. Он нужен примерно так же, как воздух и вода. Может быть, даже больше. Потому что иначе нельзя объяснить, почему о нем непрерывно пишет пресса (не рекламе, нет, а «познавательные» статьи), рассказывает телевидение и радио, почему его так всесторонне обсуждают в блогах... Известный сетевой персонаж Лев Щаранский считает айфон важнейшим отличительным признаком креакла (то есть представителя «креативного класса»): «Как отличить креакла от совка? Перед совком закрыт чудесный мир айфонов и айпадов, он ни разу не прочел книгу iСоп про Стива Джобса, не знает что такое твиттер, фейсбук и инстаграмм. Потому что не может позволить покупку элитарной продукции компании Эпл, дающей право чувствовать себя хозяином мира. Но и для хипстера тут кроются подводные камни. Ведь вовремя не обновленный гаджет грозит навсегда вычеркнуть его из рядов креаклов и отправить на самое дно».

Эх, наверняка ведь сейчас выяснится, что кто-то из наших читателей тоже не знает, «что такое «Твиттер», «Фейсбук» и «Инстаграмм»! Ну что тут сказать? Все это — тоже такие же необходимые каждому человеку вещи, как еда и питье. И как айфон. Но размеры данной статьи не позволяют нам рассказать о них достаточно подробно и глубоко — соответственно их значению в жизни. Поэтому очень коротко: это такие «места» в интернете, где миллионы людей, думающих, что они яркие индивидуальности, потому что у них есть айфон, демонстрируют себя. И свои достижения в потреблении. А также получают новые инструкции — о том, что еще необходимо им, как воздух и вода.

Да, совсем забыли. А гаджет — это родовое имя для всех айфонов, айпадов, айподов, а также мелких электронных устройств других производителей. Гаджеты в XXI веке заменяют собой перья, использовавшиеся индейцами: чем больше у тебя перьев, то есть, простите, гаджетов, и чем эти гаджеты дороже — тем ты круче.)

Американский индеец, конец XIX в. Фото с сайта s57.radiokal.ru. Обратите внимание, сколько гаджетов, то есть, протестов, перьев. Наверное, божья.

Смех смехом, однако, главная (и совсем не смешная) ложь потребительского общества состоит в том, что людям внушают, что они — это то, что они потребляют. И что из наблюдения за тем, что человек потребляет, можно сделать вывод о том, каков он.

Правда в том, что совокупность потребленного человека никак не описывает. Если бы не было всепроникающих рекламы и маркетинга и если бы всё было равно доступно для всех — тогда да, выбор человека в потреблении отражал бы в какой-то степени индивидуальность. Но капитализм построен на неравенстве, поэтому при капитализме это невозможно. Зато возможно другое — в полной мере тотальное навязывание людям представлений о том, что им нужно покупать в данный момент. У потребителей нет выбора — они потребляют то, что им предписано, несмотря ни на что. В том числе, несмотря на отсутствие денег — для этого есть кредиты, маркетинг которых — важнейшая составляющая современного общества. И — что очень важно — одновременно навязывается такое представление о мире, в котором безумное, навязанное извне потребление воспринимается, минимум, как норма, а на самом деле — как достижение. И если я купил айфон за две своих зарплаты или машину в кредит, за проценты по которому я буду отдавать всю зарплату, то это не значит, что я сумасшедший, который ради «понтов» заставляет свою семью жить впроголодь, а значит — что продвнутый современный человек, представитель «креативного» или «среднего» класса, почти что «хозяин мира», или, как минимум, дви-

гаюсь в этом направлении. А если айфон покупают 100 млн человек и даже стоят за ним в очереди — это не значит, что люди буквально зомбированы назойливой рекламой, а значит, что айфон — лучший телефон всех времен и народов и необходим каждому как воздух.

В мире потребления людям навязывают заведомо неверную логику и, соответственно, искаженное восприятие и буквально перевернутую с ног на голову картину мира. Нам говорят: во-первых, вы можете судить о себе не по тому, что вы делаете в жизни, не по тому, как вы взаимодействуете с другими людьми, не по тому, в чем вы видите смысл существования и т.п., а по тому, что вы потребляете, что вы «выбираете» из предложенного вам «разнообразия». А во-вторых, вы можете судить о том, каковы эти товары и услуги не по их функциональности, не по их полезности, не по их эстетическим характеристикам, даже не по соотношению цены и качества, а по тому, сколько людей эти товары и услуги покупают.

Но ведь аргумент: «Айфон — лучший в мире телефон, потому что все его хотят», — очевидно ложный: «все» хотят айфон потому, что его рекламная кампания — многократно мощнее всех других; кроме того, «все» — это иллюзия, навязываемая той же рекламой. Точно так же ложными являются аргументы: «Власть плохая, потому что все протестуют», «В России жить плохо, а на Западе хорошо, потому что все хотят уехать» и пр. Казалось бы, что тут может быть непонятного?

Однако именно такая логика, судя по блогам, «Фейсбуку» и «Твиттеру», присутствует у тысяч наших молодых соотечественников, выходявших зимой протестовать на Болотную и Сахарова. Потому что они в первую очередь потребители, а уж потом — все остальное: граждане, лица конкретной национальности, православные, атеисты. И к сожалению, об этой их «потребительской слабине» хорошо знают настоящие хозяева жизни — те, кто продавал им протест.

«Продавцы» протеста выстроили очень эффективный маркетинг — с такими, примерно, слоганами (не произносившимися, но подразумевавшимися, и наверняка прописанными где-нибудь в глубоко засекреченных планах маркетинговых мероприятий): «Болото — протест №1 в России», «Болото обречено на успех!» или «91% покупателей России выбирают Болото (подтверждено Российской ассоциацией модельеров и социологов)». И «покупатели» энергично выстроились в очередь за новым модным товаром. Но мало этого. В соответствии с логикой потребления, «покупатели» начали делать выводы о себе. «Раз я протестую — значит, я против чего-то» (против чего именно — скажут на митинге). «Раз я участвую в политическом действии — значит, у меня есть политические взгляды» (какие? — а черт его знает, потом разберемся). «Раз Болото — это №1, значит, все, кто на Болоте — первый сорт, а кто не на Болоте — третий».

То есть телега была поставлена впереди лошади. Начались попытки судить о своих мотивах и убеждениях на основе своего потребительского поведения. «Я пью что-то из бутылки кока-колы — наверное, это кока-кола?» «Я купил модный гаджет за совершенно несуразную сумму — наверное, он действительно очень хороший». «Я пришел на Болото — наверное, то, что здесь говорят, правильно». «Я участвую в митинге, где кого-то поносят — наверное, это действительно было». «На Болоте нет быдла, значит я — элита». Ну, и так далее.

Но ведь настоящая политическая активность (сеем думать) — это внутренняя потребность. Определяемая убеждениями, смыслами, представлениями о будущем, о благе... Причем, сначала содержание — убеждения, смыслы и пр., а потом — выбор конкретной формы политической активности. Но не наоборот же!

Но у большинства вышедших на Болотную очень плохо со смыслами, а также с образом будущего и представлением о благе — об этом свидетельствуют многие социологические исследования. Вот, например, в исследовании «Представления современной вузовской молодежи о будущем» авторы (О. Д. Волконогова, А. В. Малов, Е. М. Панина) изначально (и с удовлетворением) предполагали, что у молодежи смыслы утеряны — вместе с образом будущего. «Во-первых, мы ожидали увидеть явный переход от установки на фьючеризм к установке на настоящее. М. Кастильяс дал своеобразное экономическое видение этого феномена, заметив, что «коллапс коммунизма переориентировал русские, и особенно новые профессиональные классы, с долгосрочного горизонта исторического времени на краткосрочные перспективы времени монетизированного, характеризующего капитализм, заканчивая, таким образом, многовековое статистическое разделение между временем и деньгами».

Барбара Крюгер. Без названия («Я покупаю, следовательно...»)

Результаты исследования в целом подтвердили гипотезу авторов: «Как мы и ожидали, будущее страны волнует молодежь гораздо меньше, чем ее личные проблемы. У этого поколения резко повысилась роль личных жизненных ценностей (и понизилось значение социоцентричных) — семья, удачный брак, здоровые дети, материальный достаток, крепкие дружеские связи. Можно, конечно, спорить о том, «что такое хорошо и что такое плохо», что более нравственно — эгоцентризм или жертвенное служение людям, но, видимо, установка на личный успех более адекватна концепции рыночного общества. Правда, формирование такого «рыночного» менталитета содержит в себе опасность связанную с ним индивидуализма и денежно-го фетишизма...»

В совокупности 74,7% опрошенных отдали приоритет своему индивидуальному

РЕАЛЬНАЯ РОССИЯ

будущему и будущему своей семьи против 12,4% респондентов, определивших будущее России в качестве наиболее значимого для себя. Причем среди курсантов — тоже вполне ожидаемо — приверженцев холлистского варианта патриотизма оказалось в два раза больше, чем среди студентов и аспирантов. О приоритете российских перспектив заявил каждый пятый будущий офицер-спасатель и лишь каждый одиннадцатый представитель «гражданской» вузовской молодежи. В свою очередь, показатели студентов более чем в два раза превысили курсантские показатели среди отдавших предпочтение дню сегодняшнему».

В завершение авторы справедливо отмечают политическую опасность, связанную с подобной десоциализацией и атомизацией молодежи: «Впрочем, основная проблема, конечно, не в российской традиции. Дело в том, что у значительной части наших современников представления о каком бы то ни было социальном идеале вообще отсутствуют, их модель будущего ограничена рамками приватной жизни. Но, как показывает исторический опыт, именно эти люди легче всего становятся объектом для политических манипуляций».

Вот эти-то люди, «без каких бы то ни было представлений о социальном идеале» и стали-таки «объектом для политических манипуляций» — «покупателями» Болотного протеста.

льно, существую»). 1987 г. Фото с сайта dallascontemporary.org

И понятно становится, почему митинг на Поклонной горе вызвал такой шок у белоленточников. В логике потребления Поклонная гора была необъяснима и непонятна (а все непонятное — пугает). Перед Поклонной практически не было рекламы, а значит, не было потребительской модели — никто ничего не «продавал» и никто ничего не «покупал». Люди пришли сами, повинувшись каким-то своим внутренним импульсам и мотивам (граждан, уверенных, что все 138 тысяч участников митинга на Поклонной горе пригнали силой или привезли на автобусах, просим выпить валерьянки и успокоиться, а если не поможет — в сад!). Раз люди пришли сами, без рекламы, без выгоды для себя, то, возможно, у них есть убеждения? Убеждения — у такого количества людей? Это же по-настоящему страшно!

По сути, в день митинга на Поклонной горе у многих, в том числе у наиболее здо-

ровой части белоленточников, произошло столкновение с реальностью, они эту реальность, наконец, заметили. И обнаружили, что она мало похожа на рекламные слоганы. Какое тут «Болото — протест №1 России»? Они испугались и отступились. А вот «продавцы» — взъярились. И мгновенно потеряли человеческий облик. Вот всего несколько цитат — о Поклонной — для демонстрации их звериного оскала.

Геннадий Гудков: «Потому что на Болотной собирались граждане и за идею, а на Поклонной — холопы и по разнарядке! И хохлюшки подпевали, как Вы!».

Юлия Латынина: «Было 2 митинга, свободных людей и анчоусов. И должна сказать, что стратегия Кремля победила — анчоусов было больше. Анчоусов в России оказалось больше, чем свободных людей. И хотя они заявили о себе достаточно сильно, результат матча на 15% в пользу анчоусов».

Ирина Ясина: «Все, кто не с белой лентой, — скот, который сожали».

Андрей Мальгин: «Рабов и быдла все равно больше... На Поклонной была шайка дебилов... Это очень послушное, бого-начальникобоязненное стадо... Жаль этих людей. Убогие. Печально... Жертвы зомбоящика».

И, конечно, «продавцам» протеста было глубоко безразлично, какой ценой приобретается их товар и что будет с «покупателями» по итогам торговли. Разве продавцов других престижных товаров волнует, к чему приводит навязанное ими безумное потребление? А чем «продавцы» протеста хуже? Почему они должны думать, что случится, если «покупатели» когда-нибудь обнаружат, что их нагло обманули. Да и вероятность такого «открытия» — страшно мала.

Тем не менее, как говорил наш университетский преподаватель теории вероятности, «иногда вероятность события равна нулю, а событие происходит». А в последнее время сразу с двумя «покупателями» болотного протеста произошло почти невероятное событие — они вынуждены были так или иначе осознать отличия выдуманного и насквозь лживого мира, в котором они «протестовали», от реальности. А вслед за ними некоторое осознание реальности начало потихоньку приходить и к другим протестантам. К прискорбию, в обоих случаях внезапное и острое столкновение с реальностью привело к трагическим результатам.

Сначала прогремела новость о самоубийстве Александра Долматова — активного участника белоленточных протестов прошлой зимы и весны — в голландской тюрьме. «Долматов был активистом «Другой России» и конструктором одного из ведущих российских оборонных предприятий. После акции оппозиции в мае 2012 года на Болотной площади в Москве, в которой он участвовал, Долматов попросил политического убежища в Нидерландах. В январе стало известно, что он покончил с собой в депортационной тюрьме в Роттердаме. Молодой человек оставил предсмертную записку, о ее содержании узнали журналисты НТВ».

Судя по предсмертной записке (относительно подлинности которой некоторые высказывают сомнения), перед смертью Долматов осознал некоторую собственную неадекватность в отношении родины. «Жить в России лучше, чем где бы то ни было», — говорится в предсмертной записке Долматова. Его друг по НБП рассказал «Коммерсанту», что Александра «были иллюзии, что по такому громкому делу, как «процесс 6 мая», ему быстро дадут убежище. Что здесь Европа, демократия, свобода. Я ему объяснял, что он еще хлебнет тут хорошего, говорил, не обольщайся. Он кивал, но я видел, что он не верит». Вероятно, некоторое прозрение все-таки произошло.

Важно то, что смерть Долматова заставила многих задуматься о, казалось бы, нерушимых убеждениях — это видно по блогам и комментариям в интернете. Но один из самых интересных, на наш взгляд, комментарии дал совсем не белоленточник Денис Тукмаков в своем ЖЖ:

«А ведь останься самоубийца Долматов, с его-то отношением к государству, работать в России по специальности, у нас в скором времени не одна только «Булава» падала бы».

Его смерти, как и любой подобной трагедии, можно только сочувствовать. Но я пытаюсь представить другое: вот

он жив-здоров, революционерствует, бьется с ОМОНОм, мечтает о свержении власти, называет, вероятно, Россию «Рашкой» и «этой страной» — и одновременно рисует чертежи ракет для повышения обороноспособности страны... Нет, не сочетается».

Возражения, что, мол, нужно различать режим и страну, что не следует смешивать грязные выборы и обороноспособность, что можно одновременно ненавидеть деспота и строить для народа ракеты... не выглядят убедительными.

Другой случай, другая вера. Те-то были и остаются государственниками до мозга костей: в ельцинском безумии, в либеральном кошмаре 90-х они видели как раз смертельную угрозу государственности, а значит и обороне, «пятую колонну», агентов влияния и т.д. — то есть именно то, что ныне олицетворяет Болото. Оттого-то, кстати, «оборонщики» не лезли в хаос протестного движения...

Они могли давать интервью в «Завтра» и голосовать за коммунистов... Но революционерствовать под либеральными флагами, осознавая, что победи Болото, во власть вновь придут Касьяновы-Немцовы? Но выступать против облакавшего ВПК Путина на стороне ненавидящих «оборонку» Алябца и Шендеровича? Но тратить свое драгоценное время на грязную, скупленную на корню, политику? Нет, невозможно».

Именно, что невозможно! Невозможно представить, что люди, хоть сколько-то укорененные в реальности, могли прийти на Болото, не замечая или игнорируя совершенно очевидные последствия, наступившие в случае его победы. И не зря среди «болотных хомячков» было так мало технарей — все больше гуманитарии: по данным исследования профилей «ВКонтакте», на которое мы ссылались в предыдущей статье, на Болотной среди студентов вузов гуманитариев было чуть не в 3 раза больше, чем представителей естественных наук. Да и то — это если всех компьютерщиков отнести к естествознанию, что спорно, так как связь компьютерщиков с реальностью — это вопрос. А если компьютерщиков отнести к гуманитариям (по признаку отрыва от реальности), то последних будет в 5 раз больше, чем естествовников — очень показательно! И вряд ли тут можно говорить чем-то типа меньшей приверженности представителей естественно-научных дисциплин идеям демократии и свободы, а тем более «честных выборов» — все-таки использование распределения Гаусса — это конек совсем не гуманитариев. Дело, видимо, все-таки в другом — в большем погружении в реальность и меньшей вовлеченности в потребление. И как результат — как минимум, неучастие в жаркой политической зиме. Хотя, представляется, что на Поклонную они все же ходили...

Вторая трагическая история в январе произошла в семье Кабановых, где после новогодней ссоры муж (сооснователь сети трактиров «ПирОГИ») задушил, а затем расчленил и вынес из квартиры по частям свою жену и мать троих детей. Одновременно он организовал с помощью волонтеров поиски своей «пропавшей» жены. Не будем вдаваться в подробности — они достаточно, даже чересчур полно были освещены в СМИ.

Широчайшее внимание прежде всего белоленточной «общественности» эта история привлекла потому, что, как пишет Павел Пряников, «Семья Кабановых считалась образцовым представителем «креативного класса» — оба занимались интеллектуальным трудом, пытались открыть свое дело (кафе для таких же креаклов), активно участвовали в белоленточном протесте, пользователи соцсетей». Конечно, неприятно обнаружить, что типичный представитель твоего класса, твой сосед по зимним митингам оказался натуральным зверем, куда как приятнее идентифицироваться с такими «образцовыми представителями», как Навальный и Собчак, которые и успешные, и богатые, и красивые, и пока успешно скрывающие свое звериное нутро. И тревожно — а ну как они тоже окажутся... не вполне соответствующими красивым иллюзиям, которыми тешат себя белоленточники? Но, оказывается, что не это самое страшное: «За фасадом этой вывески, — пишет Пряников, — оказалась бедная, многодетная семья, тягущаясь впятером в съёмной квартире в панельных джунглях Москвы, непостоянный труд за маленькие деньги, алкоголизм и чёрствость даже в отношении собственных детей. Но если перескести большинство креаклов, то окажется, что они существуют примерно так же, как семья Кабановых. Что же может ожидать сотни тысяч представителей этого «класса»?

Так вот оно что! Оказывается, как говорил Станислав Ежи Лец, «в действительности всё не так, как на самом деле». То есть эта криминальная история неожиданно вскрыла для белоленточников их собственную реальность, которую они умудрялись не видеть, не слышать, не нюхать... И при этом существовать в ней.

К слову сказать, ничего неожиданного или нового в этой истории не «открылось». И так было очевидно, что потребление подавляющего большинства «креативного класса», примеры которого мы приводили в прошлый раз, носит демонстративный и компенсаторный характер. О демонстративном потреблении писал социолог Т. Веблен еще век назад, о компенсаторном потреблении тоже впервые написано еще до Второй мировой войны (и о том, и о другом мы поговорим в следующей статье). И уже тогда было выявлено, что показное потребление и того, и другого типа — ширма, скрывающая зачастую жизнь впроголодь, отсутствие перспектив, совершенную беспросветность существования. И в этих условиях люди — под давлением безумного катка капитализма — делают выбор в пользу разного рода ухода от реальности: престижного потребления, виртуального мира, бесплодных мечтаний, ну и, конечно, спиртного и наркотиков. И самое страшное, что может произойти в жизни таких людей — это столкновение с реальностью, так сказать принуждение к реальности. И тогда у них появится выбор. Но об этом — в следующий раз.

Юлия Крижанская,
Андрей Сверчков

Митинг на Поклонной горе. 4 февраля 2012 г.

ВОЙНА ИДЕЙ

Достоевский-то, оказывается, не почвенник! Прихвизаторство пошло распространяться на литературу! Потому что — Достоевский. На Западе он очень котируется. Ну, не так, как нефть... но все же

Кто убил?

Продолжим нашу «вылазку» в стан воюющей на идейном поле постсоветской интеллигенции.

Д. Быков, «Кто убил Федора Павловича?» — публичная лекция по литературе, прочитанная осенью 2012 года. Смотрим в ютубе... Знакомимся с содержанием лекции... Радует возможность погрузиться в стихию мыслей о высокой литературе. (Не так-то часто это удается сделать — и времени нет, да и с предложениями не ахти). А поскольку Дмитрий Быков — фигура не только яркая и медийная, но и уже политическая, то одновременно соединяем приятное с полезным. То бишь знакомимся с мировоззренческой позицией лектора. Это ведь куда продуктивнее, чем знакомиться с чисто политическими заявлениями того же автора. И это намного интереснее. Хотя бы потому, что Быков, говорящий о Достоевском, не просто отлично знает материал, а любит его. Когда же человек небезалабытный что-то любит, то он и что-то подмечает в исследуемом. А по тому, что именно человек подмечает, можно многое понять о человеке. И о его нравственности, и о его мировоззрении. В той же мере, в какой он выражает позицию определенной группы или класса, можно, узнав что-то о нем, узнать что-то и о позиции группы или класса, с ним связанного. В общем, интересно, что человек подмечает. Но иногда интереснее, что именно он НЕ подмечает, а точнее, в упор не видит в исследуемом. Последнее особо интересно потому, что позволяет выявить некий «фильтр», всегда бессознательно присутствующий в мозгу интеллектуала-исследователя.

Так вот. Сразу задавшись вопросом, вынесенным в название лекции, Д. Быков сразу же и разъяряет аудитории, что все сыновья Федора Павловича: Иван, Дмитрий, Алеша и незаконнорожденный Смердяков — могли и даже должны были того убить, и не зря в любой сценической постановке романа неизбежна банальная мизансцена, в которой на скамье подсудимых все четверо. Потому что, замечает он, внешне детективная коллизия, развернувшаяся в маленьком провинциальном русском городке под вымышленным именем Скотопригоньевск, на самом деле совершенно мистическая: на городок спустилась мистическая сила, и именно она убивает старого развратника Карамазова-отца. А уж чьиими руками — так и останется неясным из недописанного романа. Ну, как тут не согласиться?

Очевиднейшим образом насчет присутствия трансцендентного в имманентном все так и есть. Хотя уже следующее утверждение — что скотопригоньевская история есть «пророчество о будущем России» — это очевидная идеологическая натяжка, очень нужная лектору. Эта натяжка политически показательна. Скотопригоньевск может быть пророчеством о будущем России для классического диссидента, ненавидящего Советский Союз. Но Быков, никогда не отрекавшийся от своего раннего антисоветского периода, а теперь выступает (по мне, так очень натужно и неискренне) в роли почитателя СССР. Так что же, Быков — почитатель Скотопригоньевска? И потом — к чему такие пассажи, модные двадцать лет назад? Теперь уже надо договаривать до конца. Либо вся Россия — и советская, и досоветская — это Скотопригоньевск, либо... Быков, пусть и не так смачно, как некоторые, но как раз — договаривает до конца. Если свести это самое «до конца» к максимально простой формуле, то получается следующее.

Россия — это вечный Скотопригоньевск, то есть обреченное по каким-то особым причинам место, населенное монстрами (Быков и про роман разбираемый говорит «роман-монстр»). Они же — русские люди. Но это очень волнующее место. Потому что его посещает время от времени, причем достаточно часто, некая высшая сила. Посещает, конечно, с тем, чтобы покарать. А карает по причине особой отвратности этого слишком неустроенного большого места и, прежде всего, населяющих его монстров. Карает монстров страшно. Но зато как можно насладиться появлением карающей длани! Или

даже поспособствовать ей. Наверное, такой культуртрегерской задачей — «прогрессорской», как сказали бы Стругацкие — можно объяснить цикл публичных лекций Д. Быкова в одном из наименее отвратительных ему «отстойников» внутри зоны, традиционно населенной монстрами, в Центральном доме литераторов. То, что это не слишком отвратительное, но все же довольно презираемое местечко — это мое личное впечатление после просмотра — в основном, от некоей фундаментальной недобросовестности лектора. И навязывать его мне бы не хотелось. Но хотелось бы резко поднять планку и спросить читателя, нет ли всё же в такой позиции Быкова относительно «зоны» и «кары» определенных пересечений с позицией самого Достоевского? Подчеркиваю, ПЕРЕСЕЧЕНИЙ. Ведь две линии могут пересечься под очень разными углами, не правда ли?

Так вот, пересечение есть. Достоевский в Пушкинской речи говорит о том, что Россия — это нищая сирая страна, которую исходил, благославляя, Царь Небесный. Он же — быковская нездешняя сила. Но Достоевский никогда не думал о России как о «неправильной» стране, населенной пакостниками. Даже если таковые пронесутся через его произведения иной раз буйными толпами. Она ценна ему и тем, какая она, и тем, что ею высшая сила «интересуется», и тем, что она способна чужь присутствие трансцендентного, отзываться на него, двигаться и при этом не терять, а только больше находить себя. Для Достоевского то, что Россия является нищей и сирой или, как бы сказал г-н философ Ракилов, «некомфортной», — это великое благо. И люди ее населяющие, не монстры. Монстры населяют Запад. Для Достоевского! Для того чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать «Зимние заметки о летних впечатлениях». Вот вам и разница между Быковым и Достоевским. Она же разница между старой и новой интеллигенцией.

Ф.М. Достоевский

Начав лекцию с давно обсужденного литературоведами происхождения фамилии Карамазовы (от тюркского «кара» — «черный князь») Быков отчего-то вскользь вводит в оборот постмодерниста Кедрова (как якобы автора якобы остроумной находки «Черномазовы», что, заметим, неверно, поскольку в самом романе так дважды называется Алешу, путая, вдова штабс-капитана Снегирева) и делает далеко идущие выводы. Отчасти верные. Но... лишь отчасти. Зато частичная правда дает возможность «протащить прицепом» и все остальное. Итак, «черномазовское» семейство олицетворяет (в соответствии с намеком) низовую, «черную» стихию, черноземность, некультурную бескрайность. Страсти захватывают всех представителей семейства (простите, а есть что-то у Достоевского, где иначе?), каждый характер предельно своеобразен, но объединяет — безудержность. А кто бы стал спорить?

«Беспредельность, необъятность, некультурная дикость — это и есть черно-

земная природа Карамазовых», — поет Быков сиреной перед заслушавшейся аудиторией. И на волне этого вполне адекватного разбора возникает оригинальная (действительно оригинальная!) мысль. Она в том, что «сколько бы ни делали из Достоевского почвенника»... Да-да, вы правильно угадали, Достоевский-то, оказывается, НЕ почвенник! Прихвизаторство пошло распространяться на литературу! Потому что — Достоевский. На Западе он очень котируется. Ну, не так, как нефть... но все же. Однако зачем это мы о прагматическом? Человек тонкий, каковым является Д. Быков, не может сводиться к таким материям, как бизнес. Да он их и вряд ли ощущает. Так где же «личное»?

Вот оно, тут. «Карамазовы — это беспредельная дикость, это душевная болезнь», а идеал Достоевского (оказывается!) — душевное здоровье. Совсем как у Быкова. Как у вальяжного рассуждающего о страстях и мучениях, ему неведомых, современного интеллектуального пошляка. То, какими эпитетами Достоевский потчевал (уставами своего героя, конечно, и героя отрицательного) «человека здорового», «деятеля» — для нашего лектора как будто не существует. А может быть, он считает, что если герой «отрицательный», то ВСЁ, что он высказывает (в случае, к которому я адресую, — в «Записках из подполья» — это сплошной монолог героя на 112 страниц), совершенно лишено авторского голоса? Что ж, так иногда в школе учили относиться к «отрицательным героям», но... только очень плохие учителя. А ведь Д. Быков явно претендует быть человеком в литературе и литературоведении сведущим. И вряд ли он есть продукт плохого обучения. Скорее, специфического. Тот самый «фильтр» срывается.

Но ладно бы вопрос здоровья-нездоровья. В конце концов, почему не принять версию, по которой писатель, измученный тяжелейшей болезнью, действительно мечтает о душевном здоровье? О «комфорте», как любят говорить господа интеллигенты. Гениальность? Творчество? Прозрения? А какой ценой? В общем, это вопрос гадательный, на него ответа Достоевский, будем считать, не дал. Но ведь есть вещи, о которых он высказался более чем определенно. Их как-то по-воровски автор лекции тоже выбрасывает за борт современности. (Современность — она же не особо взискательна, верит на слово). А в них некий мировоззренческий ключ как раз и содержится.

Вот Быков, поговорив о том, что Карамазовы суть те самые «русские силы, развязанные вдруг, которые влекут Россию к стремительной гибели», и напомнив, что убить отца могли все сыновья, заявляет, что «убило лакейство». Далее — рассуждение о том «что есть, собственно, лакейство?», далее — расширение понятия на всю русскую жизнь тотально и объяснение аудитории, что это-то и есть «пророчество Достоевского».

И здесь хочется какого-то неплоского понимания. Да, Достоевский лакейство в русской жизни переживал остро. Уж как-нибудь острее Быкова, развлекающего на Новый год «привилегированное сословие» в супердорогом рублевском кабаке! Да, лакейство было и есть. Да, оно крайне распространено в высшем слое, и если бы не это, то не жили бы мы в том, в чем живем. Да, именно от отвратительно больна именно та часть интеллигенции, которая приближена к власти, а паче того к средствам воздействия на общество. Но причем тут народ??? Причем тут «черномазовы» и вся ширь русской души, не знающей удержу? Или-то тут причем? При том, что очень хочется спихнуть с больной головы на здоровую? Очень хочется и очень надо?

А вот что писал о лакействе Федор Михайлович Достоевский (который, «конечно», не почвенник и, «конечно», хотел бы, как в Европе). В тех самых «Зимних заметках о летних впечатлениях».

«И почему между буржуа столько лакеев, да еще при такой благородной наружности? Пожалуйста, не обвиняйте меня, не кричите, что я преувеличиваю, клевету,

Д.Быков на одном из митингов белолакейщиков зимой 2011–2012 гг.

что во мне говорит ненависть. К чему? к кому? зачем ненависть? Просто много лакеев, и это так. Лакейство вьедается в натуру буржуа все более и более и все более и более считается добродетелью. Так и должно быть при теперешнем порядке вещей. Естественное следствие. А главное, главное — натура помогает. Я уж не говорю, например, что в буржуа много прирожденного шпионства. Мое мнение именно в том состоит, что необычайное развитие шпионства во Франции, и не просто, а мастерского шпионства, шпионства по призванию, дошедшего до искусства, имеющего свои научные приемы, происходит у них от врожденного лакейства».

Это написано в XIX веке о Франции, высшем образце и мере для тогдашнего русского высшего сословия во всем, что касалось нравственного устройства жизни. И здесь Достоевский, как мы замечаем, подчеркивает неизбежность именно буржуазного лакейства — «порядок вещей» таков. А далее он еще уточняет, заостряет свою мысль.

«Вы скажете мне, что это опять неправда, что все это только частные случаи, что и у нас точно так же происходит и что не могу же я ругаться за всех французов. Конечно, так, я и не говорю про всех. Везде есть неизъяснимое благородство, а у нас, может быть, даже и гораздо хуже бывало. Но в добродетель-то, в добродетель-то зачем возводить? Знаете что? Можно быть даже и подлецом, да чутья о чести не потерять; а тут ведь очень много честных людей, но зато чутья чести совершенно потеряли и потому подличают, не ведая, что творят, из добродетели. Первое, разумеется, порочнее, но последнее, как хотите, презрительнее. Такой катехизис о добродетелях составляет худой симптом в жизни нации. Ну, а насчет частных случаев я не хочу с вами спорить. Даже вся нация-то состоит ведь из одних только частных случаев, не правда ли?»

Вот и вопрос для Д. Быкова (если бы он был добросовестным исследователем, а не пропагандистом очень скверных и губительных для нашего общества «норм» и идей) — как он расценивает фразу: «Можно быть даже и подлецом, да чутья о чести не потерять»? Как ему такое противопоставление русской природы — европейской? Он его смысл понимает? Понимает ли он хоть чуть-чуть то, о чем лекции публичные читает? Или уже все — «божья роса»?

Мария Мамиконян

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

Русские женщины шли в народ, боролись за просвещение народа, за его освобождение. И считали, что женская доля изменится вместе с долей народной

От какого «семейного наследия» мы отказываемся?

Наши почвенники, твердо отстаивающие семейные устои (в чем я их полностью, конечно, поддерживаю) иногда говорят о том, что большевики в том, что касается разрушения семьи, ничем не отличаются от западных ювенальщиков.

Что ж, давайте спокойно разберемся в том, какой была семья до революции, в чем состоит советский опыт построения семьи и т. д. Не будем уподобляться либералам, которые по любому поводу говорят «как известно...». Вчитаемся повнимательнее в документы, постараемся вжиться в то, что происходило тогда, и уже после этого перейдем к оценкам и принципам, на которых должно быть построено беспокоящее всех нас семейное будущее.

Да, советская власть и впрямь начала свою политику в отношении семьи с либерального семейного законодательства, которое по своей радикальности превосходило все, что предлагало западное семейное законодательство того времени.

Прежде всего, уже в декабре 1917 г. советская власть, провозгласив принцип отделения церкви от государства, присвоила себе единственное право регистрации рождений и браков. Единственной формой брака стал гражданский (то есть светский) брак вместо прежнего — религиозного, церковного (не путать с сегодняшним термином, когда под «гражданским браком» понимается сожителство, «фактический брак»). В настоящее время понятия «гражданский брак» в законодательстве РФ, в том числе в Семейном кодексе, нет).

А между тем, брак в России много веков освящался церковью. И еще на рубеже XIX и XX веков брачность в России была почти всеобщей. Перепись населения 1897 г. показала, что к возрасту 50 лет в браке состояли практически все мужчины и женщины, и доля населения, никогда не состоявшего в браке, в возрастной группе 45–49 лет была существенно ниже, чем в странах Западной Европы.

Дореволюционная Россия почти не знала разводов, брачный союз заключался на всю жизнь и практически не мог быть расторгнут. Развод рассматривался церковью как тягчайший грех и разрешался в исключительных случаях (при «бесвестном отсутствии» или «лишении всех прав состояния» одного из супругов). И хотя в предреволюционное время взгляды на ценности супружества и отношение к разводу менялись, эти изменения затрагивали в основном элитарные слои населения, хотя и там официальные разводы были большой редкостью. В 1913 г. на 98,5 млн православных в России был расторгнут всего лишь 3791 брак.

Сегодня, когда в России (и не только в России) расторгается более 60% зарегистрированных браков, такое положение даже трудно представить.

С другой стороны, хотя в XIX веке идеи женского равноправия не были широко популярны в России и воспринимались как чуждые русской традиции и культуре, они достаточно широко обсуждались в обществе, начиная со второй половины XIX века. В разных частях общества, в том числе и в женской среде, шли жаростные споры о браке.

В ходе этих споров высказывались и самые радикальные идеи. Так, в прокламации П. Г. Заичневского «Молодая Россия» (1862 г.), наряду с требованием полного освобождения женщины и предоставления ей политического и гражданского равноправия с мужчиной, предлагалось уничтожение брака вообще «как явления в высшей степени безнравственного и немислимого при полном равенстве полов», а заодно и семьи, якобы мешающей развитию человека. «Катехизис революционера» С. Г. Нечаева также отрицал брак и семью.

Но в этот период и некоторые просвещенные женщины перестали признавать церковный брак, предполагавший часто насилие, неравенство, подчинение женщины мужчине. Хотя в женской среде даже такие обсуждения не ограничивались лишь отри-

цием церковного брака, а сопровождались поиском новых отношений и духовных связей в семье.

Д. И. Писарев в статье «Реалисты» (1864 г.) писал о семье новых людей и месте в ней женщины: «Мне нравится наружность моей жены, но я бы никогда не решился сделать ее мужем, если бы я не был вполне убежден в том, что она во всех отношениях способна быть для меня самым лучшим другом... мы ведем труд наши общими силами. Она понимает, чего я хочу, и я тоже понимаю, чего она хочет, потому что мы оба хотим одного и того же, хотим того, чего хотят и будут хотеть все честные люди на свете... Все силы ее ума и ее начитанности постоянно находятся в моем распоряжении, когда я нуждаюсь в ее содействии; все силы моего ума и моей начитанности постоянно подспевают к ней на помощь, когда она чем-нибудь затрудняется... А тут еще присоединяется ощущение любви... тут еще дети, как новая живая связь между мною и ею... Она и та же личность является для меня товарищем по работе, другом, женой, страдальницей, матерью и воспитательницей моих детей, — и вдруг выдумывают, что я не способен любить эту личность! И вдруг произносят тут слова: охлаждение, разочарование, супружеская ревность или супружеская неверность. Черт знает, что за чепуха!»

Борьба шла за предоставление женщинам равных с мужчинами прав на получение высшего образования, работу по избранной профессии, участие в общественной жизни. Со второй половины XIX века в России наметилось три течения в женском движении: феминистское, которое сосредоточилось именно на освобождении женщин, нигилистское, которое сосредоточилось на очень специфическом понимаемом освобождении личности и не заикалось, в отличие от феминисток, на собственно женской теме, и радикальное, для которого освобождение женщины было возможно только при освобождении народа. Наиболее популярен в России стал третий тип женского движения. А на Западе — первый тип, собственно феминистский. При этом специфика женского движения в России была в том, что оно не сосредоточивалось на узко понимаемой только женской тематике. Даже российский феминизм и тот не был, в отличие от западного, агрессивно муженавистическим. Русские женщины, воспитанные на великой русской литературе (Тургенев, Чернышевский, Некрасов и др.), шли в народ, боролись за просвещение народа, за его освобождение. И считали, что женская доля изменится вместе с долей народной.

Если в эпоху декабристов русские женщины еще стояли на позиции тихого, так сказать, семейного протеста (который, конечно же, уже тогда был существенно политическим), то с конца 1860-х годов в России не было ни одной крупной революционной организации, в которой бы не принимали участие женщины. Среди 29 членов Исполнительного комитета «Народной воли» было 10 женщин. Поскольку деятельность этой организации строилась на принципе равенства, то женщины участвовали в террористических актах наравне с мужчинами.

С 1905 года — после Манифеста 17 октября 1905 года, по которому женщины наделялись избирательными правами, — началась активная борьба женщин за предоставление и им избирательных прав. Возникает «пролетарское женское движение», которое стало ареной борьбы между либеральными феминистками и сторонниками социалистического, марксистского течения. 19 марта 1917 года российские женщины получили избирательные права (одни из первых в мире).

Ленин считал «женский вопрос» вторичным, по его мнению, он должен был разрешиться «сам собою» после социалистической революции. После выхода брошюры Н. К. Крупской (1901 г.) «Женщина-работница», где женский вопрос в России получил марксистское обоснование, в программу

РСДРП было включено требование полного юридического и политического равенства мужчин и женщин.

Партия стремилась повысить политическое сознание женщин, вовлечь их в революционное движение, сделать союзником, понимая, что без массового участия женщин в революционной борьбе невозможно ни завоевание власти, ни строительство нового общества. Не случайно Маркс писал: «Каждый, кто сколько-нибудь знаком с историей, знает также, что великие общественные перевороты невозможны без женского фермента».

То есть параллельно с существованием патриархальной, освященной церковью семьи в России на протяжении более чем полувека создавалась в обществе база для введения законодательства, освобождающего закрепощенную и обществом, и семьей женщину.

Первые Декреты советской власти о браке и семье были разработаны с непосредственным участием В. И. Ленина и подписаны им. 18 декабря 1918 г. был издан Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов граждан-

освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной по ее роли в общественном производстве и общественной жизни».

Осуждая перегибчиков того времени, мы одновременно должны понимать, насколько беспрецедентны были задачи по преодолению недостатков патриархальной семьи, действительно формировавших достаточно бесправную и внутренне закрепощенную женщину. Ведь и впрямь было необходимо избавляться от худших слагаемых наследия той эпохи и ускоренно превращать доминирующей в ту эпоху тип женщины в советскую женщину, являющуюся полноправным членом общества и не считающую себя профессионалкой по ведению домашнего хозяйства.

Уважая досоветский тип российской семьи, признаем, что в пределах этого типа семьи новых проблем решить было нельзя. Что женщины в досоветский период были существенно ущемлены в том, что касается доступа к образованию и получению квалификации. Что они не могли на равных с мужчинами участвовать в политической и даже культурной жизни.

Софья Перовская

Вера Фигнер

ского состояния», а 19 декабря 1917 г. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О расторжении брака». Последним предусматривалась полная свобода развода по обоюдному согласию супругов или даже по заявлению (письменному или устному) одного из них.

Сегодня даже трудно себе представить, насколько резким был переход от доминировавшей в России патриархальной семьи к семье нового типа, создаваемой соответственно этому новому советскому законодательству. Такой резкий переход породил очень и очень многое. И сопротивление нововведениям. И революционные перегибы.

В первые послереволюционные годы отрицалась не только патриархальная семья как отжившая форма семьи и принцип семейных отношений, но и сам институт семьи как таковой. Согласно логике «революционного перегиба» любая семья является «ячейкой и опорой старого строя». Идеологи-перегибчики утверждали, что «в коммунистическом обществе вместе с окончательным исчезновением частной собственности и угнетения женщины исчезнут и проституция, и семья» (Н. Бухарин), что «место семьи как замкнутого мелкого предприятия должна занять законченная система общественного ухода и обслуживания» (Л. Троцкий).

Необходимо подчеркнуть, что глава советского государства В. И. Ленин не разделял теорию и практику свободной любви. Что он придавал большое значение обществу материальной стороны быта, созданию общественных столовых, яслей, детских садов, которые он называл «образчиками ростков коммунизма». Ленин справедливо утверждал, что именно такие меры являются простыми, будничными средствами, «которые на деле способны

Глубокоуважаемые русские почвенники! Я не меньше вас восхищаюсь дореволюционной русской семьей. Мне глубоко чужды либеральные издевательства над русской семьей равно как и восхищение революционными перегибами. Но давайте не будем жертвовать фактами в угоду идеологии. Тем более что факты вещь очень и очень упрямая. И игнорируя их полностью, можно оказаться в неловком, а то и в смешном положении. Согласно уже упомянутой мною переписи населения 1897 г. (которую ну уж никак нельзя назвать «большевистским наветом!»), 55% женщин, занятых наемным трудом, работали прислугой, 25% батрачили, 13% работали на предприятиях, 4% — в учреждениях просвещения и здравоохранения. Лишь 17% женщин были грамотными. За одинаковый с мужчинами труд женщины получали в полтора–два раза меньше. Рабочий день на предприятиях длился 13–14 часов и более. Средняя продолжительность жизни женщин была 33 года.

И что нужно было делать большевикам? Оставлять все это без изменения? И при этом проводить форсированную индустриализацию? К сказанному выше можно добавить следующее. В дореволюционной семье жена не имела даже своего паспорта. Ее имя вписывалось в паспорт мужа. Главой и распорядителем судеб детей был муж. Закон предписывал жене повиноваться мужу как главе семейства...

Менять такое положение дел — причем в кратчайшие сроки — без перегибов, наверное, могут ангелы. Но не живые люди.

О том, как постепенно налаживалась семейная советская жизнь, — в следующей статье.

Вера Сорокина

ВОЙНА С ИСТОРИЕЙ

«Немецкий взгляд» на историю, навязываемый сегодня России, демонтирует Победу — она подменяется «трагедией европейских народов»

Блуд над могилами

14 января этого года директор Института всеобщей истории РАН А. Чубарьян поведал прессе о том, что «немецким и российским историкам удалось вместе написать учебник по истории XX века (он скоро выйдет)». При этом, как сообщил Чубарьян, «если по той или иной теме не удалось выработать единого подхода, то мы публиковали две статьи, предоставляя выводы делать читателю... В итоге из 19 глав 15 общие». То есть по четырем вопросам в этом постмодернистском «русско-немецком учебнике» статьи содержат как русский, так и немецкий взгляд на войну! В частности, рассказал Чубарьян, немцы не пожелали пересмотреть свой взгляд на Сталинградскую битву: «Немецкий историк утверждал, что русские солдаты насмерть сражались за Сталинград потому, что за ними стояли заградительные отряды».

Заградотряды в Сталинграде, как известно любому историку, действовали недолго, в небольшом количестве и никакой значительной роли не сыграли. Но, похоже, по новому стандарту написания учебников, исторической истины вообще нет! А есть «разные точки зрения», среди которых наиболее выигрышно, конечно, будет смотреться наиболее распропагандированная — про заградотряды.

«Немецкий взгляд» на историю, навязываемый сегодня России, демонтирует Победу — она подменяется «трагедией европейских народов». Так, два года назад в Волгограде прошла российско-немецкая конференция, материалы которой были недавно изданы Фондом Конрада Аденауэра в книге под названием «Россияне и немцы в эпоху катастроф». Название уже примечательно — термин «катастрофа» до сих пор применялся для обозначения холокоста, но никак не «страданий» немцев.

На конференции утверждалось, что «национал-социалисты и большевики беспощадно приносили в жертву народные массы» во имя имперских устремлений: сражались «имперские идеологии и их гнусные вожди». Вывод прозрачен: десталинизация, подобно денацификации, должна заставить Россию отказаться от имперских устремлений».

Также на конференции обсуждалась «искусственно раздуваемая» в России значимость Победы. При этом русский историк изобличил Вечный огонь как «бюрократический» тип мемориала. И заявил о необходимости рассматривать его в контексте... «истории олимпийских ритуалов, символики огня в «Третьей рейхе». То есть отрабатываются уже беспрецедентные прицельные удары по советским символам, разоблачающие их «родственность» нацистскому оккультуризму!

Столь наглые аналогии между СССР и гитлеровской Германией начали проводиться недавно. Но уже давно существует и развивается тема «примирения русских и немцев как жертв войны». В рамках программы «Примирение над могилами» немецкий «Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями» с 1993 г. повсеместно создает в России немецкие кладбища — причем в непосредственной близости с русскими, а то и объединяя их.

Идеологом «Примирения» в России стал диссидент Д. Гранин. В 1994 г. он предложил установить в Петербурге на Пулковской горе памятник в виде креста, символически «объединяющего погибших с обеих сторон». Эта идея была отвергнута, в связи с чем в 2010 г. Гранин предложил «хотя бы» в Германии установить памятник, объединяющий немецкое и советское кладбища. Тем временем в 1999 г. в рамках того же «Примирения» под Волгоградом вплотную к русскому кладбищу было втихаря пристроено огромное немецкое — причем германский архитектор «сознательно при помощи дорожек соединил оба кладбища в единое целое».

Создание немецких кладбищ по соседству и на территории русских встречает в ряде регионов России резкий протест ветеранов, не понимающих, с какой стати они должны ходить к могилам однополчан мимо крестов бундесвера.

«Русско-немецкое примирение» активно осуществляется и на уровне общественных организаций, писательских ПЕН-клубов и пр.

Группа «Рамштайн». С сайта mobilmusic.ru

Причем это взаимодействие давно сопряжено с разоблачением «двух тоталитаризмов». Например, в 2008 г. бывший глава Всемирного ПЕН-клуба Г. Грасс заявил о решении его и того же Гранина (бывшего главы нашего ПЕН-клуба) проводить регулярные немецко-русские встречи писателей. При этом было сказано: «Недавно я прочитал роман вашего земляка Даниила Гранина «Страх» — о том, что происходило при тоталитаризме. Я был потрясен». Грасс давно распространяет мифы о «намеренном поджоге» русскими Данцига и о «групповых изнасилованиях немцев». Гранин тоже в 2003 г. сочинил соответствующего рода байку о «советском офицере, укладывавшем немца в постель за банку тушенки». Но если очернительский драйм немца Грасса — «невзначай» сознавшегося в 2006 г. в том, что он состоял в Ваффен-СС — еще можно хоть как-то понять, того же нельзя сказать о Гранине.

Сегодня идея «русско-немецкого примирения» приобретает уже явно постмодернистско-вызывающие формы. В январе 2013 г. было сообщено, что российский клуб байкеров «Ночные волки» ведет переговоры с немецкой рок-группой Rammstein о выступлении летом 2013 г. в Волгограде на концерте в честь 70-летия Сталинградской битвы. Идея дикая хотя бы уже потому, что «Ночные волки» определяют на своем сайте историю СССР как «70 лет катаклизмов», не давших полноценно реализоваться «людям свободы» — байкерам, а лидер Rammstein К. Круспе сбежал в свое время из «притеснявшей свободу рока» ГДР. Но главное — песни Rammstein восхваляют насилие и садомазохизм, а концерты неизменно содержат откровенные порносцены. Известно, что музыку группы, названной в честь унесенного десятилетия жизни крушения на авиашоу в Рамштайне, слушали террористы в Беслане, «чтобы держать себя в возбужденно-агрессивном состоянии». Наконец, среди символики Rammstein — стилизованная свастика!

Грань между нашей корректностью в отношении павших гитлеровцев и лизоблудством давно стерлась в ходе «примирений над могилами», десталинизаторских конференций и пр. Приглашение «Рамштайн» на юбилей Сталинграда — последнее предупреждение из глумливого мира постмодерна, позволяющее осознать, что процесс зашел слишком далеко. Еще один шаг — и позорный блуд над могилами станет не метафорой, а реальностью.

Наступление символической скверны сочетается с последовательным усиленным внедрением десталинизаторской концепции в российские учебники и школьные программы. Вышеупомянутый русско-немецкий учебник — с «особым взглядом» немцев на Сталинград и пр. — был создан в рамках русско-немецкого форума «Петербургский диалог». С российской стороны форум организует Санкт-Петербургский государственный университет, возглавляемый Л. Вербицкой (зампредседателя российского координационного комитета «Петербургского диалога»). И тот же самый Санкт-Петербургский госуниверситет намерен составить список из «100 книг для самостоятельного прочтения школьников по истории, культуре и литературе народов», утвержденный Министерством образования и науки 17 января.

Список этот вообще поразителен — в нем нет Пушкина и Лермонтова, зато есть «великие классики» Стругацкие. Из аналогичной «классики» дети будут узнавать и об истории.

Так, о «неправедных» имперских амбициях России дети узнают «в красках» из книги А. Приставкина «Ночевала тучка золотая», показывающей «справедливость» убийств чеченцами малолетних детей «русских завоевателей». Причем описания убийств даны во всех ужасных подробностях — «полезных», по всей видимости, психике школьников!

О «праведной» борьбе «белых» дети узнают тоже «в красках» из аксеновского «Острова Крым» — романа о придуманном врангелевском государстве, якобы процветавшем в Крыму (который по сюжету якобы остров), но «жестоко растоптанном» большевиками. Государство это, кстати, что характерно, «не присоединилось ни к одной из сторон» во время Второй мировой войны!

Ну, а Великую Отечественную войну дети будут изучать не по «излишне героическому» Твардовскому, а исключительно по носителям «окопной правды» — Гранину, Астафьеву, Некрасову, Кондратьеву, Бондареву (из которых лишь Бондарев не проклял позже все советское).

Самое примечательное в предложенном школьникам списке книг о войне — это «Блокадная книга» Гранина-Адамовича, являющая собой жанр, так сказать, «перманентно обновляемой классики». Дети будут читать книгу уже в новой редакции 2013 г., где в отличие от прежнего варианта рассказывается об «ужасах каннибализма» в Ленинграде. Явно, для составителей школьных рекомендаций описание убийств детей в Чечне показало бы мало!

Как сообщает Гранин в предисловии к новому изданию «Блокадной книги», «это была история не девятисот дней подвига, а девятисот дней невыносимых мучений». Что, заметим, полностью соответствует немецкой версии истории, по которой война была «не подвигом, а трагедией».

Гранин делает неожиданное открытие: «О чем же эта книга? Мы решили, что эта книга, во-первых, — об интеллигенции и об интеллигентности. Ленинград — город, который отличался высокой культурой, интеллектом, интеллигентностью своей, духовной жизнью. Мы хотели показать, как люди, которые были воспитаны этой культурой, смогли оставаться людьми, выстоять». То есть в войне выстоял не советский народ, а дореволюционная «высококультурная интеллигенция»? Креативная, надо полагать...

Большевики, по мнению Гранина, ломали «европейскую судьбу» города: «Город был изуродован страхом. И все же в сокровенных своих глубинах он хранил память о блокаде, о свободе мысли, он должен был возрождаться, вернуться к своему европейскому предназначению...»

При этом «самым страшным наследием советской жизни», ломающим человеческую психику, Гранин в данном им в конце 2012 г. интервью называет... коммуналки: «Как можно в одной квартире, чтобы жили разные семьи. Совершенно с разными укладами жизни, с разным образованием, с разными традициями — это неизбежные столкновения. Это, наверное, самое тяжелое наследие нашей

советской жизни. ... Дети, которые там вырастают, это ведь тоже тяжелое наследие следующему поколению».

А то, что большинство граждан нашей страны сегодня едва сводят концы с концами, — это тоже «тяжелое наследие советской жизни»? Или все-таки результат безумной мечты перестройщиков об отказе от собственного пути ради «европейского предназначения» и «коттеджей в Европе» — где русский народ не ждали и не ждут ни в каком виде?!

Гранин давно продвигает миф о том, что власть в Москве испугалась Гитлера и, в отличие от ленинградских руководителей, не сумела организовать оборону страны. Мол, Ленинград был не защищен из-за бездарности Сталина и мог быть взят немцами голыми руками, что решило бы исход войны. И лишь «ошибка» Гитлера, не пожелавшего взять Ленинград и установившего блокаду, спасла СССР от поражения.

На деле Ленинград не был взят Гитлером не «по ошибке», а потому что к тому времени, в том числе в битве под Киевом, войска вермахта уже понесли немалый урон (на что немцы изначально отнюдь не рассчитывали), а также благодаря доблести защитников города. Именно по этим причинам фюрер предпочел показательное вымаривание города, в ходе которого, как он полагал, русские сами быстро сдадутся.

«Роковая ошибка Гитлера», не пожелавшего взять Ленинград, — миф ряда немецких военных. В частности, в 1963 г. этот миф был изложен в труде «Гитлер идет на Восток. 1941–1943» бывшего исполнительного директора службы новостей Третьего рейха оберштурмбанфюрера СС Пауля Карла Шмида (творческий псевдоним — Пауль Карелл). Однако отнюдь не менее осведомленные немецкие генералы опровергали этот миф. Бывший начальник разведуправления германского генерального штаба сухопутных сил генерал Курт Типельскирх писал о наступлении под Ленинградом: «Немецкие войска дошли до южных предместий города, однако ввиду упорного сопротивления обороняющихся войск, усиленных фанатичными ленинградскими рабочими, ожидаемого успеха не было».

Президент Санкт-Петербургского государственного университета, составлявшего список для школьников, — как уже говорилось, Л. Вербицкая. Вербицкая называет Гранина «советской Россией». И понятно за что — так, Гранин утверждает, что «Ленинградское дело» было «местью Москвы», чувствовавшей свою ущемленность перед замечательными ленинградскими руководителями из-за их способностей, проявленных во время войны. А отец Вербицкой был крупным партийным функционером, репрессированным по «Ленинградскому делу». Понятна нелюбовь Вербицкой к Сталину. Но как долго «дети лагерной элиты», ставшие, как точно подметил диссидент А. Кабаков, «прорабами перестройки», будут мстить стране и готовить почву для перестройки-2?!

Ленинград и Сталинград являются сегодня особыми мишенями для пропаганды на тему «ненужных жертв войны, безжалостно брошенных Сталиным на алтарь победы», так как именно эти два города явили собой особый подвиг. Как писал президент США Ф. Рузвельт в 1944 г., «Сталинград и Ленинград стали синонимами силы духа и стойкости, которые дали нам возможность сопротивляться и которые в конечном счете дадут нам возможность преодолеть агрессию наших врагов».

Сегодня русским пытаются внушить антигероический, потребительский взгляд на историю. Предательство Великой Отечественной войны, надругательство над ее символами, над памятью о подвиге народа-победителя — последний шаг на пути превращения русских в колониальных слуг, что когда-то намеревался воплотить Третий рейх.

Но русский народ никогда не удастся превратить в «русиш швайн», как бы ни мечталось об этом «прорабам» новой перестройки!

Ирина Кургинян

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

В декабре 2012 года в США вышел аналитический доклад Национального совета по разведке США с откровенно «мироустроительным» названием «Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры». В нем сказано: «Через возникающий Курдистан формируются новые границы Ближнего Востока».

Пионеры «нового Ближнего Востока»?

Эту короткую фразу можно считать редким признанием высших военных чинов США, которые обычно предпочитают молчать о своих истинных планах для тех стран, где идут мироустроительные войны.

Что же это за остров созидания — среди хаоса и разрушений большой ближневосточной перестройки?

В сегодняшнем мире курды являются практически единственным многомиллионным народом, разделенным между сопредельными территориями нескольких стран (Турции, Ирака, Ирана и Сирии). И на каждой из территорий у курдов десятилетиями складываются тяжелейшие конфликты с государством проживания.

Потому лишь немногие осуждают курдов за их стремление построить свой государственный дом из обломков разрушенных или разрушающихся зданий. И за желание превратить этот будущий дом, уже окруженный бушующими мироустроительными войнами, в крепость.

Прежде всего, это касается Иракского Курдистана.

Именно этот анклав сегодня имеет наибольшие политические, экономические и силовые возможности для государственного обособления. В Конституции Ирака 2005 года для Курдистана прописана не только широкая автономия, но и право выхода из состава Ирака, что уже предопределяет многое. Сейчас Иракский Курдистан располагает не только правительством и парламентом, но и службой безопасности, 80-тысячными хорошо вооруженными формированиями пешмерга, а также спутниковыми телеканалами. И это при том, что в Курдистане добывается очень большая часть иракской нефти.

Однако в последние месяцы на путь обособления встали и сирийские курды, удерживающие собственный анклав на территории обрушаемого войной сирийского государства. В ноябре прошедшего года в Эрбиле, столице Иракского Курдистана, враждовавшие прежде курдские объединения Сирии пришли к соглашению. С этого момента общее политическое требование этих объединений к Дамаску — предоставление курдам широкой автономии в рамках сирийской федерации (то есть, точное следование иракской калке).

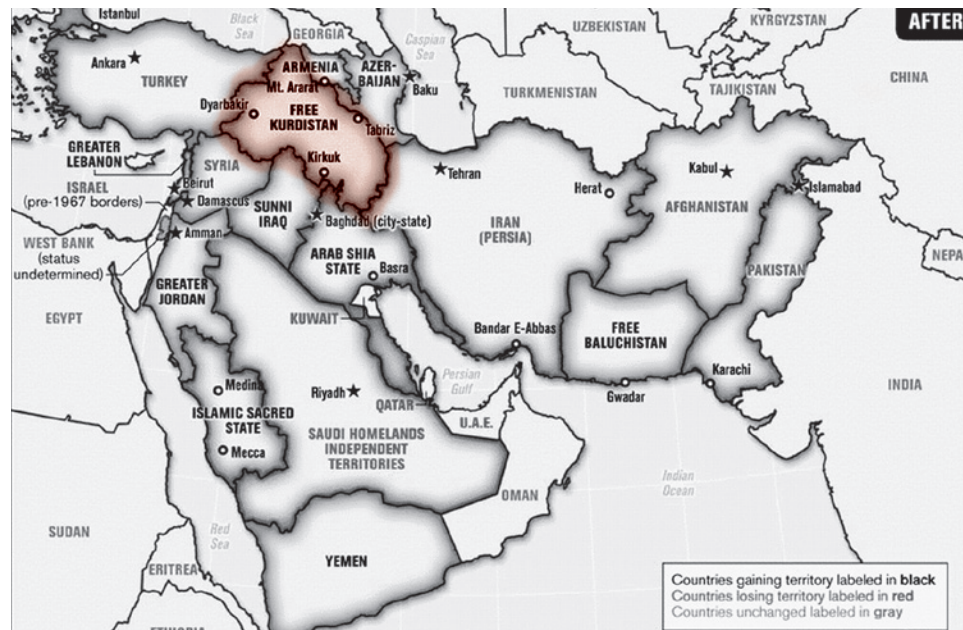
Тем временем Иракский Курдистан быстро двигается дальше. Из атрибутов независимого государства он уже имеет, помимо конституции, парламента и армии, гимн, систему образования и даже печать для штампов в паспорте приезжающих. Но и это не все: в Эрбиле открыты диппредставительства более 20 стран. И все больше курдов, особенно среди молодого поколения, уже не говорят по-арабски.

В марте 2012 года в Ираке начали распространяться слухи, что президент Иракского Курдистана Масуд Барзани готовится к провозглашению независимости. Поговаривали даже, что в Брюсселе уже открылось представительство Регионального правительства Иракского Курдистана.

Однако оказывается, что среди иракских политиков-курдов есть те, кто ощущает опасную противоречивость столь желанного для курдов решения проблемы.

В первой половине декабря 2012 года президент Ирака Джалаля Талабани, этнический курд и глава «Демократической партии Курдистана», во время встречи с кувейтскими журналистами заявил, что возможность отделения Курдистана от Ирака полностью исключена. В заявлении, которое прошло по иракскому радио и телевидению, Талабани подчеркнул, что курды как политически зрелая общность «не хотят отделения или независимости, потому что это невозможно».

Талабани, который долгие годы был борцом за независимость Иракского Курдистана, особенно подчеркнул: «Когда мы голосовали за Конституцию (Ирака), мы осуществили свое право на самоопределение федеральным путем». Президент напомнил, что за федеральную конституцию голосовали 95% иракских курдов. То есть 79-летний

«Карта Ральфа Петерса» опубликована как его частное мнение о будущем устройстве Ближнего Востока в июне 2006 года в журнале Пентагона «Armed Forces Journal». На карте изображены страны Ближнего Востока с выделенными сепаратистскими анклавами, как бы уже превращенными в отдельные государства — Курдистан, Белуджистан. Ирак в существующем виде отсутствует. Вместо него — т.н. Суннитский Ирак и Арабское шиитское государство. Имеется также еще ряд изменений.

политик постепенно превратился из курдского диссидента в иракского государственника — ради всей страны и ради собственного народа.

13 декабря из иракских правительственных кругов прозвучала реакция на выступление Талабани. Один из руководителей правящей «Коалиции правового государства» Иззат аль-Шабандар, близкий к премьер-министру Ирака Нури аль-Малики, в интервью газете «Ашшарк аль-Аусат» практически призвал курдов к отделению. Он заявил: «Курды могут воспользоваться своим правом на самоопределение, так как это соответствует законодательству». И добавил: «Каждый день мы слышим угрозы об отделении, так пусть они отделятся!»

Российский читатель не может не усмотреть тут аналогии со знакомыми по нашей жизни лозунгами русских уменьшительных националистов о «лишнем Северном Кавказе». Как видно, и в Ираке есть свои (некурдские!) «уменьшители», готовые менять целостность страны — на что? На какие кратковременные выигрыши в зоне извержений политических вулканов? Помнится, с начала 90-х мировые СМИ кричали, что Саддам Хусейн — это «Гитлер нового времени». Но тогда еще никто не ставил всерьез вопрос о том, что не должно быть государства Ирак. Чтобы пройти путь от осуждения «культы личности» к развалу страны, понадобилось около двадцати лет, как и при развале СССР.

18 декабря 2012 года президент Ирака Талабани попал в больницу после инсульта, ходила даже слухи о его кончине. С этого момента ожидания того, как сложится судьба курдского анклава в Ираке, приобрели совершенно другую напряженность.

И вот тут-то прозвучал, наконец, открытый голос из США.

В начале января 2013 года в курдской газете Rudaw вышло интервью бывшего американского дипломата Питера Гэлбрайта, автора книги «Конец Ирака: как американская некомпетентность создала бесконечную войну». В интервью Гэлбрайт призывает США сделать ставку на курдов: «Я очень разочарован политикой США, и я думаю, что США должны признать, что Курдистан является их лучшим союзником на Ближнем Востоке, и что это единственный регион в Ираке, который имеет такие же ценности и цели в отношении демократии, по сравнению с Малики (т.е. премьером Ирака, шиитом), который является ближайшим союзником Ирана в мире. Вот почему... я не буду работать на усиление правительства Ирака, а вместо этого я буду больше поддерживать Курдистан... Надеюсь, что США изменят свою политику и станут больше поддерживать Курдистан».

По мнению Гэлбрайта, администрация США зря опасается при сближении с Курдистаном потерять влияние в Багдаде, поскольку основным игроком в Багдаде давно стал Иран (а раз так, то зачем США иракское государство?) Потому-то, по мнению Гэлбрайта, США и следует сменить ориентиры в Ираке.

Гэлбрайт убежден, что сейчас курды ближе к независимости, чем когда-либо: «Я думаю, что это произойдет при моей жизни. Может быть, в ближайшие десять лет. Думаю, что лучший способ для этого — соглашение с правительством Ирака. Зачем Багдаду управлять регионом, который не хочет быть частью этой страны? Вот что важно. Кроме того, должен быть решен вопрос о спорных территориях, потому что очень трудно добиться независимости, если вы не знаете, какой территорией вы собираетесь управлять. Обеим сторонам — Багдаду и Эрбилу — нужно идти на компромисс. На мой взгляд, меньший независимый Курдистан лучше, чем застрять в Ираке навсегда. Возможно, это было важным в XIX веке — иметь границы, но мы живем в XXI веке и границы больше не важны».

Вспомните в последнюю фразу этого высказывания! В некотором смысле она стоит всего остального. Тут уж дело не в Курдистане! Тут пахнет концепцией всего «Большого Ближнего Востока», для которого, оказывается, «границы больше не важны». И, видимо, не только для него.

Ведь за всю постсоветскую эпоху гражданские войны и внешнее вмешательство привели к расчленению страны только в Югославии и Судане. А на Ближнем Востоке рисунок государственных разграничений сохранялся в течение всех многолетних военных кампаний. Сейчас американский дипломат предлагает не относиться к этим границам как к «священной корове» и начать изменения с Курдистана. Что не может не повлечь за собой перекраивания большей части ближневосточного региона. Видимо, при помощи схемы, уже знакомой мировой общественности по скандально известной карте американского полковника в отставке Ральфа Петерса.

Как видно, американские проектировщики мироустроительных войн взяли за правило сообщать миру свою волю устами отставников — военных и дипломатических.

Интересно, что особая роль в процессе самоопределения Иракского Курдистана отводится Турции, по-прежнему воюющей с курдами на собственной территории. Учтивая обособление иракских и сирийских курдов, можно только гадать, на что рассчитывает сама Турция.

Гэлбрайт, например, считает, что для успеха курдам придется заставить Турцию

признать независимый Курдистан. А Курдистану он советует, выбирая между Турцией и Ираном, остановиться на союзе с Турцией: «Для Курдистана лучше быть ближе к Турции, потому что Турция является светской страной, и она близка к Западному миру, а Курдистан видит себя в том же свете».

Загадкой, однако, остается зачарованная покорность, с которой Турция надевает приготовленную для нее петлю. И не просто надевает. Фактически именно она является главным региональным покровителем иракских курдов.

Эксперты прогнозируют, что в 2013 г. Иракский Курдистан станет вторым по величине торговым партнером Турции. С начала января 2013 года Иракский Курдистан приступил к самостоятельному экспорту нефти через турецкую территорию. Объемы пока невелики, но это только начало. Кроме того, с прошлого октября идут поставки на экспорт газовых конденсатов. И уже начато строительство собственного трубопровода Иракского Курдистана в Турцию.

Достигнутые Иракским Курдистаном экономические и дипломатические успехи готовились в течение нескольких лет. Почти два года назад Турция предприняла организационные и дипломатические усилия для того, чтобы наладить связи с Иракским Курдистаном.

В конце марта 2011 года состоялся официальный визит турецкого премьер-министра Реджепа Тайипа Эрдогана в Ирак. Программа визита включала переговоры с основными политическими силами страны и посещение базовых центров этих сил. Кстати, Эрдоган стал первым турецким премьером, посетившим Эрбиль, где он открыл турецкое консульство и международный аэропорт.

Но турецкое правительство не может так настойчиво укреплять свои отношения с иракскими курдами, никак не смягчая политику в отношении курдов турецких. А они вряд ли воспримут как смягчение заявления Эрдогана в парламенте 22 января 2013 года о его готовности к переговорам с теми «курдскими мятежниками», которые решат сложить оружие. А также о готовности предоставить свободный выезд из страны тем курдам, которые в Турции жить не хотят.

Ожидается, что в феврале лидер Турции посетит Вашингтон для консультаций по проекту курдского государства в области автономного Курдистана на севере Ирака. И это явно станет новым толчком в процессе изменения устройства «большого Ближнего Востока».

Главный вопрос заключается в том, какая роль отводится Курдистану в этом изменении — и Петерсом, и Гэлбрайтом, и аналитиками из Национального совета по разведке США. Будет ли это роль первого кирпичика нового здания? Или роль тарана для взламывания государственности крупнейших стран региона и их превращения в территорию военно-политического хаоса?

В любом случае, прецедент создания независимого Иракского Курдистана вызовет жгучую ненависть государственных соседей, поскольку взорвет их собственное курдское население. Будет ли устойчивым государство, созданное такой ценой? И не окажется ли главным условием его существования статус очередного сателлита (и площадки для военных баз) США в регионе? Но не будем забывать и проговорку Питера Гэлбрайта о том, что в XXI веке «границы больше не важны». Из этого ясно следует, что и статус сателлита США ничего не гарантирует.

Не исключено, что именно понимание всего этого заставило много повидавшего курдского президента Ирака сопротивляться перспективе безоглядного выхода иракских курдов из нынешних государственных рамок. Выхода, при котором вековая мечта курдов о воссоединении превращается в очередную запал в руках организаторов мироустроительных войн на Ближнем Востоке.

Мария Подкопаева

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВОЙНА

В первый же раз, когда случайно или из духа противоречия какой-нибудь мужик по-настоящему втюрится в нормальную бабу и испытает то, что описано в мировой литературе как настоящая любовь, — он наплюет на все куклы

Концептуализация Не-Бытия.

Концепты постмодернизма. Часть IV. Симулякр и симуляция — 2

Фильм «Матрица» — о симуляции, поглотившей и подчинившей все сферы человеческой жизни — постоянно и назойливо отсылает к Бодрийяру. В фильме даже показана крупным планом обложка его книги «Симулякры и симуляция». Но что такое фильм «Матрица»?

Герои фильма борются со зловещными силами, которые уложили своих жертв на кушетки, надели на них шлемы, позволяющие непрерывно видеть голографическое увлекательное кино, интерактивно вмешиваться в него, менять характер сюжета, становиться героями фильма.

При этом жертвы живут насыщенной внутренней жизнью. А внешняя жизнь сведена к нулю. Их питают какими-то растворами через капельницы, и из них выводят шлаки. Кроме того, их согревают и обеспечивают энергией, нужной для получения информации, позволяющей вести насыщенную виртуальную жизнь.

Что тут невозможного? Да, еще не отработаны системы питания, позволяющие поддерживать организм в нужном состоянии без использования пищеварения. Но это дело техники. И шлаки можно научиться выводить. Поди ж ты, проблема!

Да, надо технически усилить нынешние системы виртуализации и создания симулякров. А дальше возникает мир, в котором люди находятся в полной зависимости от операторов, предлагающих им виртуальную информацию. А также обеспечивающих их теплом, питанием, выводящих шлаки из их организма и так далее. Возникает единственный вопрос: зачем эти люди нужны операторам?

В «Матрице» дан какой-то лукавый ответ: мол, люди давно уже стали чем-то вроде среды, в которой что-то можно выращивать. Как-то так... Но это, конечно, сознательный сарказм, используемый художником для выражения своего отношения к происходящему.

Гораздо легче представить себе другую картину. Например, что люди — это скот. И операторы ими питаются, увеличивая или уменьшая поголовье скота. Или что людям все-таки дают возможность делать какую-то работу. В поток упоительных виртуальных образов, которые для них стали единственной реальностью, вклиниваются задания. Людей предупреждают, что без выполнения заданной прекратится поток образов. Или упоительные образы превратятся в мучительные.

Если ввести подобные коррективы, то почему нельзя считать, что именно такая «матрица» нам и уготована господами? Господами, боящимися, что в любом другом мире они не сохранят господство, и не желающих этим господство терять.

Давайте посмотрим в реальность. Разве рядом с нами нет людей, с головой утонувших в интернет-виртуальности и компьютерных играх? Разве нет заболевания, именуемого «социальным и семейным аутизмом», при котором человек теряет способность к устойчивой социальной коммуникации? Разве этот аутизм уже не приводит к острым психическим расстройствам? И разве «все это» не становится более и более массовым?

Так почему нельзя предположить, что в какой-то момент «все это» начнет преобладать? Ведь достаточно перестать бояться последствий, и «все это» приобретет характер смертельно опасного вируса. Одни под его воздействием просто погибнут, другие ста-

нут постчеловеческими мутантами, полностью погруженными в виртуальную жизнь.

А дети? Разве дети не теряют все чаще не только грань между игрой и реальностью, но и многое другое? Например, способность к различению реальной игры по правилам, ограничивающим агрессию, и игры (поначалу компьютерной, разумеется), в которой агрессия оказывается главным правилом.

Специалисты бьют тревогу. Они говорят о навязывании детям «виртуальной анонии», отвергающей любые социальные и моральные нормы. Они предупреждают, что она неминуемо входит в игры даже самых маленьких детей. Вспомним, например, скандальные публикации в Японии об игре в «тамагочи», карманных компьютерных «домашних любимцев», которых хозяин должен виртуально кормить, выгуливать и так далее. Как выяснилось, множество детей в какой-то момент на вопрос мамы об их «тамагочи» отвечали: «Он капризничал, и я его убил».

Специалисты спрашивают мам и пап: «Понимаете ли вы, что может произойти завтра? И во что превратятся ваши дети при наращивании этих тенденций?» Мамы и папы беспомощно разводят руками. А что они могут сделать? Отобрать у детей компьютеры и уйти в леса? Наверно, также беспомощно разводят руками мамы и папы, у которых дети заболевают тяжелейшими вирусными заболеваниями.

Чем заняты постмодернисты? Они — если развивать дальше приведенную аналогию — описывают беспомощных пап и мам и заболевших детей? Или они выводят в своих лабораториях все более опасные вирусы? Мне кажется, что ответ очевиден. Постмодернисты уловили, что мир становится все более чувствителен к определенным вирусам симуляции, вирусам виртуальности. И, желая этот мир сокрушить, начали выводить максимально опасные вирусы и внедрять их в окружающую жизнь.

Уловленная постмодернистами чувствительность к вирусам виртуальности имеет разные причины. Одна из них наиболее очевидна. Это развитие техники. Мир завоевывают все более мощные средства виртуализации. Это уже не только телевидение и интернет. «На подходе» голографические, интерактивные и более тонкие технологии.

Но разве можно все сводить к технике? Спору нет, она имеет огромное значение, но только ли в ней дело?

Человек должен каким-то способом самореализоваться. Настоящий способ предполагает возможность реального творчества. Для творящего человека реальность — это примерно то же самое, что глина или камень для скульптора. Человек может жить настоящей жизнью, только если в его распоряжении будет реальность, и он сможет обращаться с нею так, как скульптор обращается с камнем или глиной.

Тогда человек, распредмечиваясь (то есть передавая свое сущностное начало реальности, подобной материалу для творчества), и опредмечиваясь (то есть вбирая из измененной им реальности что-то, позволяющее ему менять самого себя), будет восходить. И испытывать настоящее счастье. Он будет мучиться и радоваться. Он будет учиться у других и учить других.

И черта с два ты его тогда поработишь с помощью компьютеров, виртуальных игр,

голографических и интерактивных развлечений. Он все это будет в определенной дозе воспринимать. Но только и именно как модели, позволяющие ему лучше работать с реальностью. А затем будет возвращаться в реальность, дабы испытать все то, что мною описано выше.

А ложный способ самореализации, предлагаемый постмодернистами, — это замена творчества в реальности погружением в виртуальные иллюзии.

Прошу прощения у читателя за вольные образы, но постмодернисты так всем задурили голову своим наукообразием, своими симулякрами и пр., что несколько вольных образцов очень нужны, чтобы как-то прочистить мозги. Кстати, не этим ли в каком-то смысле занимались герои «Матрицы», освобождавшие ее рабов от виртуального рабства?

Ну, так вот. Можно, конечно, изобретать разного рода куклы для извращенных сексуальных упражнений. И для этого есть соответствующая индустрия и соответствующие торговые сети. По дороге к «Экспериментальному творческому центру», в котором я работаю, есть — в глубине двора рядом с Садовым кольцом — такой магазинчик. И я, проходя мимо, несколько раз видел, как в подворотню заходят, оглядываясь, весьма нездоровые люди, отчетливо понимающие свою ущербность.

Можно, конечно, включить на полную катушку постмодернистскую пропаганду и убедить этих людей, что когда они общаются с секс-куклами, то это столь же правильно и достойно, как настоящая любовь. Наверное, даже можно доказать им, что куклы лучше живых возлюбленных.

Конечно, для этого недостаточно ныне живущих и упокоившихся постмодернистов. И иноземных, и наших. Сколько ни читай «Омон-Ра» и «Чапаев и Пустота» Пелевина, «Голубое сало» и «День опричника» Сорокина, «Кысь» Толстой и так далее, сколько ни снимай по этой пакости дорогих фильмов, но этого не докажешь. Тут, знаете ли, нужны новые гении.

Но предположим, что их удастся вырастить в лоне какого-нибудь особого интерната. Что они будут более глубоки и убедительны, нежели Бодрийяр, Делез, Гваттари, Деррида и прочие корифеи постмодернизма. Что их проповеди будут раскручиваться по всем масс-медиа 24 часа в сутки, а рядом с ними будут стоять лучшие гипнотизеры мира. Ну и что?

В первый же раз, когда случайно или из духа противоречия какой-нибудь мужик по-настоящему втюрится в нормальную бабу и испытает то, что описано в мировой литературе как настоящая любовь, — он наплюет на все куклы. И начнет рассказывать всем приятелям про то, что куклы — это фуфло, а бабы — ого-го. А если еще это будет караться постмодернистской полицией, то возникнет соответствующее подполье, причем очень мощное. В нем будут по-настоящему любить друг друга. Дарить цветы, петь романсы и радоваться улыбка.

Потом начнутся массовые бунты — причем, поверьте, начнутся быстро. И в результате этих бунтов восстановится не просто нормальная, а резко улучшенная жизнь. Потому что люди по-настоящему оценят вкус реальности. А также то, что есть мерзавцы, которые хотели их этой реальности лишиться.

Это всего лишь один пример. Кстати, вполне нешуточный. Так почему же тогда у постмодернистов есть шанс на победу? И мы действительно можем оказаться под пятой хозяев этой «матрицы». Не вполне, конечно, той, которая описана в фильме, но не такой уж далекой от нее, и в чем-то даже более пакостной. То бишь лишенной изящества, которым авторы «Матрицы» наделяют свой виртуальный мир

Кстати, чем такой мир принципиально отличается от мира тяжелого наркомана, использующего героин? Только тем, что в мире, созданном киношниками, прыгают люди в черных очках и плащах и творятся компьютерные акробатические фокусы? А в мире тяжелого наркомана есть койка, загаженная квартира, игла и кайф, а также ломка и мучительное ощущение, что вернулся в пакостную реальность, из которой надо побыстрее уйти?

Так вот. Шанс на победу Бодрийяра и прочих творцов виртуальных матриц состоит в том, что реальность будет лишена тех свойств, наличие которых делает ее для любого человека однозначно прельстительнее любой виртуальности. Если убить в реальности все ценное, что ей присуще: цвет, запах, энергию, бесконечную многомерность, тонкость, безграничную сосредоточенность в ней стимулов... Если убить связь между этой реальностью и внутренним миром человека, причем такую связь, что каждое постижение реальности углубляет внутренний мир и одновременно позволяет реально творить... Тогда, конечно, человек затоскует и по голограмме, и по героину.

То, что я здесь описал как обнуление потенциала реальности и творящего человека, Маркс именовал отчуждением. Он считал, что отчуждение намного опаснее эксплуатации.

Впрочем, Маркс об этом писал только в своих ранних работах. Да и то немного стеснялся. Слишком уж страшна была тогда эксплуатация. Слишком плохо жили рабочие. Слишком груб и тяжел был их труд, доводящий до полускотского состояния. Маркс обязан был тогда сказать капиталистам: «Гады, что вы делаете с человеком, так его эксплуатируете!» — и призвать трудящихся на борьбу с эксплуатацией.

Но Маркс понимал, что если эксплуатация исчезнет, а отчуждение останется, то капитал победит. В каком-то смысле он, наверное, предвидел, что капитал может осуществить этот маневр, кинув рабочим подачку в виде снижения степени эксплуатации. И переидя к их порабощению за счет отчуждения.

Постмодернистский враг сознает, что есть два процесса, развертывание которых приводит к его победе.

Первый процесс — наращивание потенциала виртуальной реальности и (что не менее важно!) ее полный захват. Ведь если в виртуальном мире начнут работать новые Эйзенштейны и Феллини, то никаких бед это с собой не принесет. Потому что и новый Эйзенштейн, и новый Феллини будут пристраивать все более глубокие связи между виртуальностью и реальностью. Обнаруживать новые богатства в окружающем мире и во внутреннем мире человека. И погрузившийся в такую виртуальность человек вернется в реальность обогащенным, как сегодня он возвращается в нее обогащенным после просмотра великих фильмов.

Значит, весь вопрос в том, кто будет хозяином виртуального мира. И что этот хозяин будет делать с виртуальностью. Да, постмодернистскому хозяину нужна очень мощная виртуальная машина, чтобы уничтожать человека. Однако эта же машина может человека и возвышать.

Во второй и главный процесс, который должен захватить и взять под контроль постмодернистский хозяин, — это наращивание скудости и убожества реальности, убийство реальности как пространства для творчества, для самореализации человека.

О том, как эти два процесса сочетаются — в следующей статье.

Юрий Бялый

ДИФФУЗНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ВОЙНЫ

«Отец-основатель» Уральской республики Э. Россель в марте 2012 года заявил, что видит в белоленточниках «друзей государства, а не его врагов», и предложил объединиться с ними

Об одном юбилее... Уральская республика и ее наследники

Субъектами диффузных сепаратистских войн могут быть блогеры и журналисты «регионального масштаба», националистические организации, «борющиеся за права» той или иной группы населения, различные зарубежные структуры, неявным образом провоцирующие межнациональные и межконфессиональные конфликты... Но во всех этих случаях существует надежда на эффективную работу федеральных органов власти, в компетенции которых находится защита государственной целостности страны.

Однако гораздо более опасно, когда на провоцирование сепаратистских настроений направлены действия представителей региональной элиты. Ведь такое поведение людей, облеченных властью, подрывает принципы государственного устройства России, легитимизирует «сверху» тему возможного распада страны, заражает вирусом сепаратизма и раскалывает общество.

В постсоветской истории России есть несколько крупных и, к сожалению, еще не завершенных сюжетов на данную тему.

Один из них имеет отношение к так называемой Уральской республике, сторонники которой собираются в этом году праздновать 20-летие своего «детства» и, скорее всего, проигнорируют другую более крупную дату, связанную с их малой родиной.

17 января 2013 года исполнилось 79 лет Свердловской области. По данному случаю губернатор Е. Кувайшев поздравил жителей региона: «*Всем нам выпала честь жить и трудиться в одном из самых крупных, развитых, успешных регионов России. Девиз «Опорный край державы», начертанный на гербе Свердловской области, наш регион заслужил равным самоотверженным трудом. ... Во времена индустриализации именно на Урале, в Свердловской области, была создана большая часть крупных промышленных заводов. В годы Великой Отечественной войны, когда к нам было эвакуировано более 400 предприятий страны, Средний Урал производил всё необходимое фронту и стал сердцем оборонной промышленности России. ... Сегодня по уровню социально-экономического развития мы уверенно входим в первую десятку регионов страны... У нас есть целый год, чтобы достойно подойти к важной юбилейной дате — 80-летию со дня образования Свердловской области.*»

Позиция основной массы жителей региона относительно того, какое место занимает их родной край в истории нашей страны, и какую роль он играет в экономике и обеспечении обороноспособности России, совпадает с позицией действующего губернатора. Загодя идет подготовка к большому празднику...

Но для части местной элиты существует другая, более значимый юбилей, который наверняка будет отмечаться в этом году. Ведь двадцать лет назад по инициативе тогдашнего губернатора Э. Росселя в Свердловской области была создана Уральская республика, просуществовавшая де-факто всего несколько месяцев, но оставившая после себя активных сторонников этого, по сути, сепаратистского проекта.

Началась вся эта история в 1993 году, когда Россель выдвинул идею «повышения статуса» Свердловской области до того уровня, который имели национальные республики. Один из немногих регионов-доноров хотел получить больше политической и экономической самостоятельности в условиях, когда власть с остревением проводила разрывительные «либеральные реформы».

В обстановке нарастания в стране общенационального кризиса и противостояния двух ветвей власти процесс развивался стремительно. И чуть было не вышел из-под контроля Федерального центра.

В апреле 1993-го на местном референдуме более 83% избирателей (при явке 67%) проголосовали за «расширение полномочий Свердловской области в социально-экономической сфере до уровня республики в составе РФ».

1 июля решением Областного Совета была провозглашена Уральская республика, и специалисты регионального отделения

РАН принялись за разработку Конституции нового субъекта Федерации. (К концу октября документ был уже готов.)

Конечно же, такой пример не мог не стать заразительным для части управленческой элиты соседних регионов. Уже в сентябре 1993-го главы Свердловской, Челябинской, Пермской, Оренбургской и Курганской областей подписали документ об участии «в разработке экономической модели Уральской республики на базе областей Урала». Речь шла, ни много ни мало, о создании «Большой Уральской Республики»!

31 октября «заработала» конституция Уральской республики, утвержденная до этого Свердловским облсоветом. И уже на 12 декабря Э. Росселем были назначены выборы губернатора и Законодательного собрания Уральской республики.

Сейчас члены команды Росселя с иронией вспоминают то время, но шаги, предпринимаемые ими тогда, носили совсем не шуточный характер. Более того, вся эта «работа» началась еще в период распада СССР.

Так, один из идеологов Уральской республики, бизнесмен А. Баков, позже признавался в интервью, как, по сути, новую русскую «республику пришлось выдумывать»: «У нас же не было ни истории, ни языка, ни культуры. В 1991 году мы начали выпускать журнал «Уральский областник», а ведь никакие уральских областников не было».

Для создания своего регионалистского мифа начинающий политик изучал труды основателей «сибирского областничества», выступавших со второй половины XIX века «против колониального гнета» имперского центра и за «предоставление Сибири автономного статуса». Заметим, что в 1917–1918 гг. часть «областников» вошла во временное Сибирское правительство (принявшее декларацию «О государственной самостоятельности Сибири») и поддержала адмирала Колчака.

Купюра в 1000 уральских франков. Лицевая сторона — П.И. Чайковский, обратная — дом-музей Чайковского в Воткинске. С сайта wikimedia.org

Знакомство А. Бакова с отечественным сепаратистским опытом дало свои плоды. В качестве официального символа автономистского движения Уральских областников, а также Уральской республики, был выбран флаг того самого временного Сибирского правительства. Появились и свои деньги — были напечатаны 56 миллионов «уральских франков». Началось обсуждение с соседними регионами создания Зауральского края в составе Свердловской, Челябинской, Курганской и Тюменской областей.

Очевидно, что прецедент учреждения «русской республики» на территории Урала и Сибири, причем в условиях конституционного кризиса 1993 года, создавал вполне реальную опасность для территориальной целостности страны. Стартовавший с этого прецедента «парад региональных суверенитетов» вполне мог привести к дроблению территории России на несколько независимых государств. И если бы не позиция «вменяемой» части элиты Екатеринбурга и вмешательство специалистов из окружения Президента РФ, то всё могло бы закончиться именно этим.

9 ноября 1993 года Указом Б. Ельцина Свердловский облсовет был распущен, а на следующий день главу области Э. Росселя отстранили от должности.

Это, отметим, хотя и пресекало попытку создания Уральской республики, но не закрыло в дальнейшем дорогу во власть ключевым участникам неудавшегося сепаратистского проекта.

В декабре 1993-го Россель, возглавив избирательное объединение «Преобразование Урала» (с 1995-го — «Преобразование Отечества»), становится депутатом СФ РФ, а с 1995 по 2009 гг. вновь занимает пост губернатора Свердловской области. «Серый кардинал» Уральской республики и политический координатор «Преобразования Урала» А. Баков, став в 1994 году председателем комитета облдумы по законодательству, инициировал принятие Устава Свердловской области именно на основе конституции несостоявшейся Уральской республики.

Данная сепаратистская тема, явно опекаемая частью местной элиты, на протяжении многих лет периодически дает о себе знать. Возникает впечатление, будто ей специально не дают навсегда кануть в историю и берегут «для будущих поколений».

Так, в апреле 2003 года в Екатеринбурге было зарегистрировано «Уральское Республиканское Движение» (УРД), которое в качестве главной цели провозгласило «создание Уральской республики на территории нынешней Свердловской и (в будущем) прилегающих областей Уральского региона». Причем тогда же глава УРД А. Команев заявил, что движение будет поддерживать на предстоящих губернаторских выборах Э. Росселя, так как «это единственная ключевая фигура в областной политике».

А в сентябре 2003 года вновь переизбранный губернатор Э. Россель заявил, что «Уральская республика юридически существует».

Антон Баков

Один из основных организаторов этих встреч — депутат Екатеринбургской городской думы Л. Волков, выступающий за «воскресение идеи Уральской республики» и предлагающий введение в будущем субъекте Федерации нового государственного языка.

Еще один вдохновитель и модератор подобных «праздников» — президент «Института развития и модернизации общественных связей», автор скандального романа-утопии «После России» Ф. Крашенинников. Этот политолог таким образом объяснял свой интерес к данным встречам: «Не то чтобы мы к этим идеям несерьезно относились, напротив, у них есть будущее... Я уверен, под идею «Давайте отделимся от Москвы» можно собрать 20% голосов... Увлечение региональной элиты идеей автономии — это екатеринбургский феномен».

Скорее всего, интересом к данному феномену со стороны лидеров «белоленточного движения» можно объяснить и участие этих двух екатеринбуржцев в новом федеральном политическом проекте.

15 декабря 2012 года в Москве состоялся учредительный съезд партии «Народный альянс» при участии А. Навального. В президиум Центрального совета партии вошли сторонники Уральской республики — Л. Волков и Ф. Крашенинников. А на следующий день, 16 декабря, Координационный совет оппозиции поддержал идею проведения праймериз (для определения единых кандидатов) депутатов городской Думы и мэра Екатеринбурга на осенних выборах 2013 года.

Для объяснения интереса А. Навального к выборам муниципального уровня приведем его цитату из интервью на «Эхо Москвы» (от 9 января 2012 года): «Конституция РФ должна быть изменена... Федеральным центром, и прежде всего президентом, должны властью поделиться, перераспределить ее туда, где люди живут — в города и населенные пункты. ...Обращаю внимание: не губернаторам нашим сомнительным нужно дать больше власти, а уровню ниже: мэрам, городским и поселковым советам».

То есть несистемная оппозиция собирается «парламентскими методами» работать на политическую и экономическую децентрализацию страны и идет в регион, где набирают силу сепаратистские настроения.

Причем сам «отец-основатель» Уральской республики Э. Россель в марте 2012 года заявил, что видит в белоленточниках (в частности, в А. Навальном) «друзей государства, а не его врагов», и предложил объединиться с ними.

Этим и занимаются упомянутые выше последователи Росселя.

А «друзья государства», как показывают события 2011–2012 годов, вступают в альянсы с разного рода сторонниками регионалистских и сепаратистских идей, и «обкатывают» с ними новые возможности для развала России по уже наработанным старым сценариям.

Разоблачать эти сценарии, их авторов, а также тех, кто пытается пропагандировать и воплощать на практике отечественный и зарубежный опыт регионального сепаратизма — долг каждого, кто говорит «Нет!» перестройке-2 и понимает, чем чреваты сепаратистские игры.

Эдуард Крюков

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Используя кино как индикатор, мы убеждаемся во все большем оскудении старого гуманизма. Что при отсутствии нового гуманизма фактически гарантирует победу фашизма

Сопrotивление

Мы постоянно слышим разговоры о гуманизме. Но что такое гуманизм? Великий немецкий писатель Томас Манн, в отличие от своего брата Генриха Манна, не был апологетом коммунизма. Но размышляя о гуманизме и фашизме, он постоянно настаивал на том, что гуманизм может устоять только став новым, лишенным патетики, осознающим всю мощь зла. Что враг человечества — это не реликт средневекового иррационализма. Что все теперь понимают силу этого врага. И что на бой с ним надо идти так, как когда-то шел монах на бой с Дьяволом.

Впрочем, размышления Томаса Манна о новом гуманизме не носят завершенного мировоззренческого характера. Это скорее зарисовки, эскизы, этюды. Завершенный мировоззренческий характер этой идее нового гуманизма хотели придать коммунисты. И никто кроме них не занимался новым гуманизмом как фундаментальной мировоззренческой проблемой. Но, увы, в СССР эта проблема очень быстро оказалась вытеснена на периферию. Вначале было не до этого. Нужно было строить заводы, ликвидировать неграмотность и так далее. А потом проблему нового гуманизма стали искусно замалчивать.

В СССР никогда не было запрета на исследования в этом направлении. Выходили даже коллективные монографии — например, «Литература и новый гуманизм». Но выходили эти монографии с большим трудом. Теперь уже намного понятнее, почему. Правящая КПСС была разделена в ту эпоху на две внутренние партии: либеральную и консервативную (вторая из этих партий иногда называлась «русской» — читайте Байгушева «Русский орден в КПСС»). Либеральной партии новый гуманизм был не нужен, потому что она стремилась разгромить коммунизм и утвердить на его месте либерализм.

Второй, консервативной внутренней партии коммунизм был еще более чужд, так как она тоже хотела утвердить свое мировоззрение на обломках коммунизма. В данной статье я не хочу разбирать, что именно имелось в виду под утверждением консервативного мировоззрения на обломках коммунизма. Я только хочу подчеркнуть, что люди, действительно верящие в коммунизм, в элите КПСС никак не составляли большинства. Тем не менее, в качестве перспективы этот новый гуманизм существовал до тех пор, пока существовал СССР. После краха СССР проблема нового гуманизма, способного сопротивляться фашизму, оказалась фактически сведена к нулю. И возникло два подхода к проблеме сопротивления фашизму.

Первый подход состоял в том, что фашизму вообще нельзя сопротивляться, ибо он содержит в себе некую страшную правду о человеке и мире. Что все, кроме фашистов, боятся этой правды, а фашисты единственные ее признают, а значит, за ними будущее.

Второй подход состоял в том, что сопротивление фашизму возможно. Но осуществлять его надо, так сказать, старыми дедовскими методами, опираясь на добрый старый гуманизм.

Все мы, наверное, помним прекрасный фильм Стэнли Крамера «Нюрнбергский процесс», в котором судья пытается бороться с фашизмом, опираясь на добрый старый гуманизм. У меня этот фильм всегда вызывал сложные чувства. Все симпатии, конечно же, на стороне судьи. Но при этом его победа не лишена горького привкуса. Уходящий мир старого гуманизма одерживает победу именно в последний раз. И дело не в том, что судья стар. А в том, что он сознательно

предъявляет всем свою правду, так сказать, в стиле ретро: «Вы, знаете ли, умничааете. А я вот взял и уперся. И сопротивляюсь вашему умничанию. На том и стою. Считайте меня ограниченным старичком, но на самом деле за мной большая правда».

Впрочем, фильм Крамера — это последнее произведение, в котором описано, как старый гуманизм оказывает фашизму полноценное, хотя и упрощенное, сопротивление.

В фильмах Иштвана Сабо все уже по-другому. Я имею в виду и относительно ранние фильмы Сабо, такие как «Мефисто» (1981 год), «Полковник Редль» (1984 год) и «Ханнусен» (1989 год). И фильм 2001 года «Мнение сторон». В нем Сабо уже отдает должное поношению коммунизма и советизма. Но дело не в этом. А в том, что мы вновь имеем дело с американским майором, отстаивающим старый гуманизм в борьбе с фашизмом. Но оппонентами этого майора теперь уже выступают не находящиеся по другую сторону баррикад сторонники фашизма, а его же помощники, являющиеся жертвами фашизма. Это американский офицер еврейского происхождения, единственный в семье уцелевший во время геноцида. И немецкая женщина, чей отец был казнен за участие в заговоре против Гитлера. Новизна этого фильма по отношению к фильму «Нюрнбергский процесс» Стэнли Крамера в том, что эти жертвы фашизма встают на защиту подследственного — дирижера, возглавлявшего при фашистах Берлинский филармонический оркестр.

Американский упертый старый гуманист упорствует по-крамеровски. А его помощники и жертвы фашизма уже находятся по другую сторону баррикад. И что же может задействовать представитель старого гуманизма? Он может только попытаться негуманистичными, по мнению его помощников, средствами, пробиться к человеческому в обвиняемом. Упорный старый гуманист понимает, что за ним нет никакой особой сложной мировоззренческой правоты (той правоты, которую и впрямь может дать только новый гуманизм). Но он использует грубые средства, считая, что они и есть все, что находится в распоряжении гуманизма для сопротивления фашизму. Его позиция еще слабее, чем у судьи из «Нюрнбергского процесса».

Тем самым мы, используя кино как индикатор, убеждаемся во все большем оскудении старого гуманизма. Что при отсутствии нового гуманизма фактически гарантирует победу фашизма. Если только человечеству не удастся снова задействовать и резко усилить потенциал нового гуманизма. Фактически в этом сегодня состоит главная задача Сопротивления фашизму.

Выше я говорила о двух подходах к фашизму. Рассмотрев первый, основанный на сопротивлении за счет мобилизации остаточных потенциалов старого гуманизма, я перехожу ко второму.

Второй подход основан на том, что фашизму сопротивляться невозможно, да и не нужно. Слишком многое он узнал о человеке. Только он один не побоялся правды о нем. Только он содержит в себе необходимый метафизический потенциал, без которого невозможно ни культура, ни человечество и так далее.

Самым ярким представителем второго подхода является, конечно же, датский режиссер Ларс фон Триер. Это своего рода *enfant terrible* западного кино.

Мало кто может позволить себе заявить на пресс-конференции: «Я понимаю Гитлера». А Триер — может. Его фильмы «Европа», «Антихрист», «Меланхолия» являются

доказательством того, что он таки и впрямь, исповедуя второй из двух названных мной выше подходов, находится под обаянием и фашизма вообще и конкретно Адольфа Гитлера. А, главное, он твердо уверен, что только фашизм не боится подлинной — конечно же, гностической — правды о человеке и мире.

Главная героиня фильма Ларса фон Триера «Меланхолия» — фактически «посвященная», с точки зрения пифагорейской, платоновской и гностической традиции. Она знает о мире то, что не знает ее приземленная сестра, страшась конца света. А именно — она знает, что конец света будет. Что планета Земля столкнется с планетой «Меланхолия»... И это столкновение будет прекрасным! Именно так его и показывает Ларс фон Триер. Мол, все, кроме фашистов, — твари дрожащие, боящиеся смерти. И потому ничтожные и презренные. А вот фашисты смерти не боятся. И наоборот, готовы ее приветствовать, потому что им ведома гностическая правда, а остальным — нет. Они этой правды не боятся, а остальные — боятся. О какой правде идет речь? О какой-то новой фашистской правде? Нет, эта «правда» стара как мир.

Западные почитатели Традиции с большой буквы, вроде упомянутой нами в предыдущей статье английской поэтессы Кэтрин Райн с большим интересом и целенаправленно изучают античных авторов, а именно — Гермеса Трисмегиста, Платона, Пифагора. С чем связан интерес именно к этим философам?

Они выдвинули тезис о том, что настоящее знание является скрытым и доступно только посвященным. Но об этих посвященных — когда-нибудь в другой раз. В этой статье важнее разоборать другой аспект — Традиции с большой буквы. Ее упоеание смертью, как бегством из дольного мира, который не поврежден злом, а соткан из зла. И потому из него можно только бежать.

Ревнителю этого подхода ссылаются и на Пифагора, и на Платона. Но оба этих великих философа слишком сложны для того, чтобы сводиться к столь элементарному воспеанию смерти и осуждению жизни. Другое дело — гностики.

Ссылаясь на древние авторитеты (то на Гермеса, то на Тота, то на Пифагора, то на каких-нибудь неведомых египтян), они достаточно внятно сформулировали уже в I-II веках нашей эры те постулаты, которые постоянно воспроизводят современные ревнителю Традиции. Мол, весь мир целиком соткан только из зла. Это зло настолько фундаментально, что оно не может быть сотворено благом началом. А значит, оно сотворено злым началом. И понеслось...

Гностические идеи то просыпались, то засыпали. После первой волны интереса к этим идеям, начался определенный спад, во многом связанный с категорическим отрицанием этих идей каноническими христианами. В Средние века наблюдается новый всплеск интереса к этим идеям. В Южной Франции возникает очень авторитетная альбигойская ересь.

Затем гностицизм вновь переходит в спящее пассивное состояние. И вновь активизируется уже в XIX и XX столетиях.

Фашизм, конечно же, имеет гностическую подоплеку. Но он не раскрывал ее в полной мере, боясь разочарования немецкого и других арийских народов. Только после Второй мировой войны он стал до конца откровенен. И в этом своем откровенно гностическом, антигуманистическом качестве стал завоевывать умы, воспользовавшись пассивностью коммунизма и явным

несоответствием старого гуманизма вызовам новой исторической эпохи.

Представители данного мировоззрения, завоевывают кинематограф. Причем, зритель это не всегда понимает, что обрушивающиеся на него мощные образы, призваны изменить его сознание, приобщить к гностической вере.

Готов ли зритель поддаться сказкам, цель которых — вызвать летаргический сон, медленно и сладко перетекающий в возделенную смерть? Сложно сказать. Факт заключается в том, что у апологетов гностицизма есть мощные противники, также искусные в деле воздействия на зрителя посредством кино.

Герой фильма режиссера Томми Ли Джонса «Три могилы» (2005 г.), американский патрульный Майкл Нортона, только что приехал на мексиканскую границу. Его молодая жена заполняет жизненную скуку магазинами. А Майкл поддерживает жизненный тонус ненавистью к мексиканцам. И вот однажды, выстрелив наобум, он убивает человека — не нарушителя границы, а мексиканца, мирно пасущего лошадей.

Владелец ранчо Пит Перкинс, у которого работал убитый мексиканец, поняв, что убийца — Нортона, ставит ему условие: он не сдаст Нортона полиции, но тот должен отвезти убитого на родину и похоронить там. Нортона предстоит трудное путешествие. Непонятно, где оно происходит — то ли в Мексике, то ли уже в потустороннем мире. В ходе этого сложного пути, терпя тяжкие лишения и испытывая страх, Нортона страдает. И страдание актуализирует в нем человеческое. Он раскаивается в содеянном и тем самым спасается.

В фильме братьев Коэнов «Старикам здесь не место» (2007 г.) старый шериф Эд Том осознает в какой-то момент, что привычный ему мир безвозвратно уходит. А на смену ему приходит нечто, что не просто вытесняет «стариков» на обочину. Это нечто приведет к тому, что не только старикам, но и их гуманизму в мире не будет места. «Вы можете себе представить», — говорит Эд Том о случае в Калифорнии, — они убивали стариков, чтобы получить их пенсии. Пытали и закатывали на заднем дворе».

Страшно не только обнаружение, что рядом зверски истязают себе подобных. Страшно, что за извращениями начинаешь проглядывать лицо нового мира — мира, в котором на место человека приходит античеловек. В фильме Коэнов он воплотился в образе убийцы, которому не может противостать ни опытный шериф, ни бывший вьетнамский солдат, имеющий богатый опыт военных действия в самых разных боевых условиях.

Все навыки и знания оказываются бесполезны, так как в мир уже напрямую вошел представитель зла, не испытывающий никаких человеческих эмоций, чувств. Тьма послала в мир арьергард, и справиться с ним обычными, так сказать, «конвенциональными» средствами — невозможно.

Герои Коэнов опускают руки, признавая неизбежность гибели мира, герой Томми Ли Джонса из фильма «Три могилы» принимает вызов... Но это вымышленные, виртуальные герои. А в реальном мире все зависит от нас, читателей. От нашей готовности задействовать для Сопротивления вышеописанному злу все то, что выше было названо новым гуманизмом. И без чего Сопротивление злу в XXI веке неизбежно будет вялым и неубедительным.

Мария Рыжова